

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Золотуха

**Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович
Золотуха**

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк
Золотуха
Очерки приисковой жизни

I

С широкого крыльца паньшинской приисковой конторы, на котором смотритель прииска Бучинский, по хохлацкой привычке, имел обыкновение отдыхать каждое после обеда с трубкой в зубах, открывался великолепный вид как на весь Паньшинский прииск, так и на окружавшие его Уральские горы. И прииск и горы были "точно поднесены к конторе", по меткому выражению приисковой стряпки Аксины.

Уральские горы спускаются в сторону Азии крутыми уступами, изрытыми массой глубоких логов, оврагов и падей. На север от уральской железной дороги горы начинают подниматься выше, и по дну логов бойко катятся безымянные горные речушки, которые образуют собой живую подвижную сетку. Лозьва и Тура принимают в себя такие горные речки тысячами; речка Панья, на которой расположен Паньшинский прииск, впадает в Туру, предварительно сделав сотни самых мудре-

ных колен, поворотов и извилин. С крыльца приисковой конторы прииск представлял глубокий лог, сдавленный с обеих сторон довольно высокими лесистыми горками; по самому дну этого лога прихотливыми извивами катится Панья. Вероятно, год назад она совсем была затянута кустами ивняка, ольхой, смородиной и густой, ярко-зеленой осокой, а теперь берега ее совсем обнажены, и только кой-где по ним валяются кучи покрасневшего на солнце хвороста, свежие бревна и маленькие поленницы новых дров. Сейчас за конторой, которая занимает пригорок, берега Паньи, на протяжении двух верст, изрыты на все лады, точно здесь прошел какой-то гигантский крот. Вообще, вся эта масса взрытой без всякого плана и порядка земли походила скорее на слепую работу стихийных сил, чем на результат труда разумно-свободного существа, как определяют человека учебники логики и психологии. По бокам прииска тянутся грядой громадные свалки из верховых пластов, не содержащих золота; желтые валы перемывок, т.е. промытого песка, чередуются с глубокими выработками, где добывается зо-

лотоносный песок, рядами ширфов, походящих на только что вырытые могилы, и небольшими мутными прудками, которые Панья образовала там и сям по своему течению. Мутная вода этих прудов, при помощи канав и деревянных желобов, проведена к самым далеким частям прииска, где поднимаются свои перемывки и свалки. Присутствие людей оживляло всю картину и при ярком солнечном освещении делало ее даже красивой, как проявление самой кипучей человеческой деятельности. Пестрые кучки старателей были рассыпаны по всему прииску; по ним можно было определить положение вашгердов, на которых совершалась промывка песков. В выработках, куда въезжали и выезжали приисковые двухколесные тележки-таратайки, можно было рассмотреть только одни мужские головы, в валяных шляпах и фуражках, а около вашгердов суежилась голосистая пестрая толпа женщин. В глубине прииска, где дорогу Панье загородила невысокая каменистая горка, виднелась довольно сложная золотопромывательная машина; издали можно было разобрать только ряды стоек и

перекладин, водяное колесо и крутой подъем, по которому подвозились на машину пески. Люди, работавшие на машине, казались с крыльца конторы муравьями, а когда на подъем взбиралась таратайка, то лошадь можно было принять за комнатную муху. Рядом с машиной весело попрыхивала паровая машина; из высокой тонкой трубы день и ночь валил густой черный дым, застилавший даль темной пеленой.

По бокам прииска, под прикрытием дремучего ельника, лепились старательские балаганы и землянки; кое-где около них курились веселые огоньки и сутились женщины, а в густой зеленой траве, на которой паслись спутанные лошади, мелькали белые детские головки. С внешним миром прииск соединялся извилистой узкой дорогой, которая желтой змейкой взбегала мимо приисковой конторы на крутой увал и сейчас же терялась в смешанном лесу из елей, сосен и пихт. На западе, из-за зубчатой стены хвойного леса, придавленной линией, точно валы темно-зеленого моря, поднимались горы все выше и выше; самые дальние из них были окрашены гу-

стым серо-фиолетовым цветом. Вся эта картинка прииска была вставлена в темно-зеленую раму дремучего хвойного леса, запово- нившего все кругом на сотни верст. Гордо поднимали свои пирамидальные вершины столетние поседевшие ели; воздушными стрелками, как готические башенки, летели прямо в небо молодые бархатные ели, и, широко раскинув свои могучие ветви, светло-зелеными шапками поднимались над всем лесом старые лиственни. От этого непролазного угрюмого северного леса веяло первобытной стихийной силой, которую не в состоянии со- крушить ни сорокаградусные морозы, ни трехаршинные снега, ни убийственный северо-восточный ветер, который заставляет деревья поворачивать свои ветви к далекому благословенному югу.

- У нас работа, как вода в котле кипит, - самодовольно говорил Бучинский, любуясь после обеда картиной прииска. - Человек триста работают... Да. Усним хлеб даемо... А сколько пользы государству приносим? Хе-хе!.. Золото... Всем золото треба, все его шукуют... пхе! А оно у нас под носом... Пхни рылом землю,

ВОТ И ЗОЛОТО.

Фома Осипыч, как все хохлы, после обеда впадал в философское настроение и любил побеседовать на тему о государственной пользе. Его круглое прыщеватое лицо с свинными глазками, носом луковицей и длинными казацкими усами подергивалось в эти минуты жирным блеском и по толстым отвислым губам блуждала самодовольная улыбка человека, который не желает ничего лучшего. Кто был Бучинский сам по себе, какими ветрами занесло его на Урал, как он попал на приисковую службу - покрыто мраком неизвестности, а сам он не любил распространяться о своей генеалогии и своем прошлом. На прииске Бучинского не любили, и старатели просто называли его беспалым Фомкой, потому что у него на левой руке недоставало одного пальца.

Жил Бучинский на приисках припеваючи, ел по четыре раза в день, а в хорошую погоду любил бродить по прииску, останавливаясь преимущественно около тех вашгердов, где работали красивые девки. До женского пола Бучинский был необыкновенно падок и не

пропускал мимо ни одной смазливой рожицы. По целым часам, бывало, торчит, как индюк, около баб и не уйдет без того, чтобы не щипнуть самую хорошенькую. От баб иногда ему крепко доставалось, но на удары скребками или просто рукой наотмашь Бучинский только жмурился, как закормленный кот, и приговаривал с неоставлявшим его никогда юмором: "А ты, Апроська, побереги руку-то, глупая: пригодится еще".

Приисковая контора только что была поставлена весной и желтела на пригорке своими новыми бревнами и тесовой крышей. Она делилась на две половины. В одной помещалась собственно контора, где жил Бучинский и хранилась касса, а в другой была устроена кухня и людская. Собственно контора одним окном выходила на дорогу, а двумя другими на прииск, так что Бучинский из-за своего письменного стола мог видеть всякого, кто ехал на прииск или с прииска, а также и то, что делалось на приiske. Стены конторы внутри были только что выделаны и еще хранили следы топора, которым с грехом пополам были обтесаны бревна. Пол и потолок бы-

ли сделаны из расколотых надвое бревен и подровнены как раз настолько, чтобы на полу нога не запиналась о края настланных плах. Желтый мох, которым были законопачены пазы между бревнами, не успел еще завянуть и таращился клочьями, усиками и колючей щетиной; когда по утрам горячее июльское солнце врывалось в окна конторы снопами ослепительных лучей, которые ложились на полу золотыми пятнами и яркими полосами, веселые зайчики долго и прихотливо перебегали со стены на стену, зажигая золотыми искорками капли свежей смолы, вытоплявшиеся из расщелявшихся толстых бревен. Одно окно, как зеленым шатром, было защищено лапистыми ветвями старой ели; солнечные лучи, проходя через живую сетку из зеленых игл, окрашивались особенным, желто-зеленым цветом, точно их пропустили сквозь тонко прокованный лист золота.

Обстановка конторы отличалась большой простотой и тем отчаянным беспорядком, какой всюду вносит с собой грубая половина человеческого рода. Сам Бучинский прибавил от себя специально хохлацкую грязь и ка-

кой-то особенный запах, который никогда не оставлял его. У самых окон, во всю длину наружной стены, на деревянных козлах были настланы доски и прикрыты толстым серым сукном; это и был письменный стол, около которого торчали два колченогих стула и новенькая табуретка со следами красноватой приисковой глины. На столе смешалась масса предметов в замечательном беспорядке. Можно было подумать, что все эти предметы были высыпаны на стол прямо из мешка, да так и остались в том положении, куда толкнула их сила инерции. Из-под слоя желтой приисковой пыли, рассыпанного табаку, пепла и окурков можно было рассмотреть чернильницу без чернил, несколько железных кружек с красными приисковыми печатями, пустую готовальню, сломанный ящик из-под сигар, коллекцию штуцерных пуль, дробь в мешочке, дробь в коробочке из-под пастилок Виши и дробь, просто рассыпанную по всему столу вместе с пистонами, оборванными пуговицами, обломками сургуча, заржавевшими перьями и тому подобной дрянью, которая неизвестно для чего и как забирается на

письменные столы. Кипы счетов и конторских книг были сложены отдельно, под прессом из золотосодержащего кварца; несколько раскрытых книг лежали там и сям в самых отчаянных позах, как только что раздавленные люди с раскинутыми руками.

В углах конторы, сейчас у дверей, были устроены на деревянных козлах две походные кровати; на одной спал Бучинский, а другую занимал я. Около постели Бучинского стояла приисковая касса, то есть железный сундук, а над постелью, на развешенном по стене тюменском ковре, в красивом беспорядке размещено было разное оружие, начиная с револьвера и кончая бельгийской двустволкой и заржавевшим турецким кинжалом. Около стен стояло несколько зеленых тагильских сундуков, в которых хранилась вся движимость Бучинского и разный домашний скарб.

II

Мне пришлось провести на Паньшинском прииске в обществе Бучинского несколько недель, и я с особенным удовольствием вспоминаю про это время. Для меня представляла

глубокий интерес та живая сила, какой держатся все прииски на Урале, т.е. старатели, или, как их перекрестили по новому уставу, в золотопромышленности, - золотники.

- Старатели... пхе!.. Хочется вам с этими пьяницами дело иметь! - не раз говорил мне Бучинский - он никак не мог понять, что меня могло тянуть к старателям. - Самый проклятый народ... Я говорю вам. В высшем градусе безнравственный народ... Да!.. И живут как свиньи... Им только дай горилки, а тут бери с него все: он вам и золото продаст, и чужую лошадь украдет, и даже собственную жену приведет... Я вам говорю!..

- Мне кажется, что о старателях много лишнего говорят.

- Кажется?! Тэ-тэ-тэ!.. От-то глупая скотына этот Бучинский! Ха-ха... хриплым смехом залился Бучинский, причем вместо глаз у него образовались две жирные складки кожи. - Я теперь все понимаю... даже до капли все! Пссс... А все никак в свою глупую башку взять не мог. Да вы бы лучше прямо до меня обратились, и я устроил бы все, как ваше сердце желает... Хе-хе!.. Вот у Зайца смачная дивчина

есть, у Сивы... Знаете "губернатора"? Тэ-тэ-тэ... Да вы ж и без меня успели зацепить лихую дивчину! По глазам вижу... да. А я вам говорю по совести: на всем приiske нет лучше губернаторовой Наськи! Да вы ж наверно раньше меня все это знаете?..

Разуверять Бучинского в чистоте моих намерений было напрасным трудом: он принадлежал к числу тех заматерелых скептиков, которые судят о всех по самим себе.

Прииск вблизи был совсем не то, чем он казался издали. Свалки, перемывки, выработки, ширфы, канавы, кучи песку и галек - все это напоминало издали работу сумасшедшего, который не стеснялся осуществлением своих диких фантазий и то, что вырывал в одном месте, сваливал в другом. Нужно было пройти прииск из конца в конец, и только тогда "открывался в этом беспорядке порядок" и вся масса затраченного человеческого труда освещалась разумной мыслью. Точно так же и относительно старателей. Главное впечатление производила необыкновенная пестрота собравшегося здесь народа. И кого-кого только не было на приiske: мастеровые с гор-

ных заводов: староверы из глухих лесных деревень по р.Чусовой; случайные гости на прииске - вороняки, т.е. переселенцы из Воронежской губернии, которые попали сюда, чтобы заработать себе необходимые деньги на далекий путь в Томскую губернию; несколько десятков башкир, два вогула и та специально приисковая рвань, какую вы встретите на каждом прииске, на всем пространстве от Урала до Великого океана. Этот гулящий, бездомный, разношерстный люд есть порождение бестолковой приисковой жизни и составляет настоящую язву, корень всяческих зол. Стоит раз взглянуть на эти типичные лица и на живописные их лохмотья, чтобы угадать настоящих приисковых волков, которые голодными стаями бродят всю жизнь по приискам.

На первый взгляд кажется, что все эти люди, загнанные сюда на прииск со всех концов России одним могучим двигателем - нуждой, бестолково смешались в одну пеструю массу приисковых рабочих; но, вглядываясь внимательнее в кипучую жизнь прииска, мало-помалу выясняешь себе главные основы, на ко-

торых держится все. Шаг за шагом обрисовываются невидимые нити, которыми связываются в одно целое отдельные единицы, и, наконец, рельефно выступает основная форма, первичная клеточка, в которую отлилась бесшабашная приисковая жизнь. Эта руководящая нить для уразумения приисковой жизни заключается в понятии русской артели, которая нашла себе здесь глубокое применение. Без артели русский человек - погибший человек; поэтому артель живет на всех вольных промыслах, в тюрьмах и в монастырях; даже разудалая вольница, ничего не хотевшая знать, кроме своей вольной волюшки, - и та складывалась в разбойничью артель. Если с испокон веку русский человек работал артелью и грабил артелью, отсиживался по тюрьмам и острогам артелью, то такое, может быть, слишком широкое применение артельных начал вносило в них, на каждый специальный случай, специальные применения в форме и содержании. Старательская артель, в которую, если позволено так выразиться, выкристаллизовалась приисковая жизнь, решила ту же задачу, какую решают все русские

артели, т.е. как при наличии minimum'a благоприятных условий, не только ухитриться просуществовать, но еще выполнить maximum работы.

Было светлое июльское утро, когда я в первый раз спускался от конторы на прииск. Солнце едва показалось из-за линии леса и в низких местах стояла еще ночная сырость, а кой-где сохранившиеся клочки зеленой травы были покрыты каплями блестящей росы. Со стороны леса доносился нестройный птичий концерт; залетные гости короткого северного лета точно хотели удесятерить его радость своими веселыми песнями. В лесу еще стояла ночная прохлада; около балаганов огни едва дымились; по дороге мне попало несколько таратаек, нагруженных песком. Лошадью правили босоногие мальчишки-подростки, а на одной таратайке кучером сидела курносая рябая девка в красном платье и в желтом, высоко подтыканном сарафане. Я миновал целый ряд глубоких ширфов, при помощи которых производится разведка золота, и направился в ту сторону, где происходила добыча золотоносного песка, т.е. к вы-

работке. Из выработки в одном месте выстав-
лялась голова гнедой лошади, а в другом - ши-
рокая лысина с остатками мягких русых куд-
рей. Выработка имела форму глубокой четы-
рехугольной ямы с выемкой на одной сторо-
не; по этой выемке осторожно поднялась гне-
дая мохноногая лошадка с нагруженной те-
лежкой.

- Кузька! мотри не балакай с бабами-то по-
долгу, - крикнул вслед выезжавшей тележке
среднего роста широкоплечий старик, лыси-
ну которого я заметил еще издали.

Кузька, подросток лет четырнадцати, с
бойким загорелым лицом, только взмахнул
концом веревочных вожжей и трусцой на-
правился к ближайшему прудку, около кото-
рого виднелись два вашгерда.

- Бог на помочь! - поздоровался я со стари-
ком, который рукавом старой пестрядевой ру-
бахи вытирал свое красивое, широкое лицо,
покрытое каплями крупного пота.

- Мир дорогой! - весело отозвался старик. -
Иди в выработку-то, лопатка и на твою долю
найдется... Вон Никита умаялся с утра-то с
кайлом играть.

Молодой мужик, длинный, нескладный, с острыми плечами и неприятным худым рябым лицом, только тряхнул спутанными волосами и опять принялся долбить кайлом осыпавшийся слой мокрого песка. Мужики были одинаково одеты в синие пестрядевые рубахи и порты, работы одной хозяйки; на ногах были лапти. Дно выработки было покрыто слоем липкой грязи, в одном углу стояла целая лужа мутной воды; на краю лежал свернутый чекмень и узелок с краюхой черного хлеба. Старик закурил коротенькую трубочку, пока я осматривал выработку, и принялся неспешно выбрасывать железной лопаткой скопившиеся турфа, т.е. не содержащую золото землю, наверх, прямо на деревянные полаты, настланные из досок у самого края выработки. Кузьма успел свезти пески на вашгерд и теперь вернулся, чтобы навалить свою таратайку турфами и вывезти их к ближайшей свалке.

- Что, бабы благодарят за гостинец? - спрашивал старик.

- Доводить пора, тятка...

- Без них знаю, что пора. Никита, ты поке-

дава поковырай здесь, а как я доведу золото, паужинать будем. Вот барину охота поглядеть, как мужики золото добывают. Ну, барин, пойдем к грохоту, старый Заяц все тебе покажет, как на ладонке.

- А тебя как звать? - спрашивал я.

- Меня-то... Да Зайцем добрые люди зовут; это вот мои зайчата, а у грохота сама Зайчиха. Теперь понял? А я тебе покажу все, как есть...

Только когда Заяц вылез из своей выработки, я хорошенько рассмотрел его атлетически сложенную фигуру. Ему было пятьдесят слишком, но это могучее мужицкое тело смотрело еще совсем молодым и могло вынести какую угодно работу. Заметив мой пристальный взгляд, старик с добродушной улыбкой проговорил:

- Что на меня глядишь, барин?

- Да так смотрю; здоровый ты из себя очень.

- Здоровый... Какое уж мое здоровье, барин! Был когда-то Заяц, а теперь одна шкурка осталась... Да. Вот где моя погибель сидит! - проговорил старик, указывая на свои ноги: -

тут Зайцу и конец. Ну, куда он без ног-то, барин?

- А что, разве у тебя болят ноги?

- Я тебе вот что скажу, барин: как теперь станет весна али осень, вода будет ледяная - шабаш! Как поробил твой Заяц в выработке, пришел в балаган да лег, а встать и не вмоготно. Другой раз недели с две Заяц без работы лежит, потому ноги, как деревянные.

- Простудил где-нибудь?

- А слыхал про завод Тагил?

- Как не слыхать.

- Ну, так в этом самом Тагиле есть Медный рудник, вот Заяц там и ножки свои оставил... Это еще когда мы за барином были, так Заяц в огненной работе робил, у обжимочного молота. А в те поры был управителем немец, вот Заяц согрубил немцу, а его, Зайца, за задние ноги да в гору, в рудник, значит. Думал, что оттедова и живой не вылезу... По пояс в ледяной воде робили. Ключи там из горы бегут, студеные ключи.

От выработки до вашгерда было сажень двести с небольшим. У низенькой плотины стоял деревянный ящик длиной аршина два;

один бок этого ящика был вынут, а дно сделано покатым, в несколько уступов. Это была нижняя часть вашгерда, или площадка; сверху она была прикрыта продырявленным железным листом в деревянной раме - это грохот. Площадка и грохот составляли весь нехитрый прибор, на котором производилась промывка золотоносных песков, на ученом языке горных инженеров этот прибор называется вашгердом.

- Тоже без снасти и klopa не убьешь, обязательно, - объяснял мне старый Заяц. - Не больно хитро устроено, а в шапке золота не намоешь.

У вашгерда работали три женщины. Старшая, Зайчиха, высокая старуха в темном платке, набрасывала на грохот пески, которые Кузька сваливал около вашгерда. Две молодых бабы размешивали эти пески по грохоту маленькими железными лопаточками, скребками. По деревянному желобу из прудка была проведена к грохоту вода и падала на песок ровной струей. Когда песок смешивался с водой, частицы глины и мелкого песку относились струей, гальки оставались на грохоте,

а золото вместе с черным песочком, шлихами, падало сквозь отверстие грохота прямо на площадку, где и задерживалось маленькими деревянными валиками. Ход всей операции был крайне незамысловат, и достаточно было посмотреть на него в течение пяти минут, чтобы усвоить вполне.

- У меня и семья вся налажена для прииску, - хвалился Заяц, указывая на баб. - Вот молодайка с Парашкой как поворачивают, того гляди грохот изломают.

- Ну, будет тебе зубы-то точить, - заворчала Зайчиха. - Пристали без того...

- Я правду говорю, - оправдывался старик. - Ну, девоньки, еще маленько навалитесь - и доводить.

Молодая высокая девка с румяным скуластым лицом, которую Заяц назвал Парашкой, по всем приметам принадлежала к семье Зайцев. То же завидное здоровье, веселый взгляд больших карих глаз, приветливая улыбка на красных губах - все говорило, что Парашка была дочь старого Зайца и его баловень. В своем ситцевом розовом сарафане и в такой же рубашке она выглядела настоящей приис-

ковой щеголихой; подвязанный под самые мышцы передник плохо скрывал ее могучие юные формы. Неправильное лицо было красиво молодой здоровой красотой, выращенной прямо под открытым небом, как растут безымянные полевые цветочки, которыми зеленая трава обрызгнута точно драгоценными камнями.

- Это невеста Фомки беспалого, - говорил Заяц, указывая на дочь. - Вот в Филиппов пост свадьбу будем играть. Фомка-то давно на нее губы распустил...

Молодайка, жена Никиты, не принимала участия в общем разговоре, шутках и смехе; как только последние лопатки песку были промыты, она сейчас же бегом убежала в сторону леса, где стоял балаган Зайца. Бледное лицо молодайки с большими голубыми глазами мне показалось очень печальным; губы были сложены сосредоточенно и задумчиво. Видно, не весело доставалась этой женщине приисковая жизнь.

- Ишь, как Лукерья побегла! - удивлялся добродушнейшим образом вслед своей снохе старый Заяц. - Там у нас в балагане еще два

зайчонка есть, так вот матка и бегаёт к ним с работы. Старатели будут, как подрастут.

- А велики?

- Одному парнишку, старшенькому, около зимнего Николы два года будет, отвечала Зайчиха. - А меньшенький ещё матку сосет, всего по третьему месяцу... Здесь на прииске и родился.

- С кем же ребенок остается в балагане, пока мать работает здесь?

- С кем ему оставаться, барин... Лежит себе в зыбке, и все тут.

- Да ведь его комары заедят?

- Бывает и такой грех, - соглашался Заяц, вынимая из-под вашгерда щетку и небольшую железную лопаточку: - И комару надо летом чем-нибудь питаться. Ну, гляди, барин, сколько у Зайца золота напредило!.. Сейчас доводить стану.

Старик уменьшил струю, падавшую на грохот, и присел на корточки к площадке. По дну площадки темными полосами расположились шлихи, а в них светлыми искорками желтели крупинки золота. Старик, осторожно засучив рукава, повел щеткой вверх по дну

площадки и взмутил воду; струя подхватила часть черного песочка и унесла его с площадки. С каждым движением щетки шлихов оставалось все меньше и меньше, а через десять минут работы в воде блестело одно золото. При помощи лопаточки Заяц осторожно собрал его все и проговорил:

- Будет не будет ползолотника?

- Мало?

- Из-за хлеба на воду заробим. Потому считай: за золотник нам в конторе дают рубль восемь гривен, а за ползолотника приходится девять гривен... Так? Ну, а мы робим сам-шесть, прикинь, сколько на брата придется в полдни.

- По пятиалтынному.

- А мы эту самую битву примаем с самого солновсхода, значит с двух часов по-вашему... Клади еще двух коней. Пробилось наше золото, видно, чтобы ему пусто было семь раз.

- А раньше лучше шло золото?

- День на день не приходился... В другой раз и два золотника падало за день на грохот, а то и четь золотника.

Старик высыпал золото в сухую тряпочку,

высушил его в ней, а потом высыпал в круглую железную кружку с приисковой печатью.

- Бабы, зовите паужинать Никиту. Барин, хлеба-соли кушать с нами.

III

Мне часто доводилось бродить по прииску, и я быстро освоился с его пестрым населением. Все старательские артели были устроены, как одна, и носили смешанный семейный характер, сближавший их с кустарным промыслом. Малосильные семьи соединялись по две и по три, а если для артели недоставало одного человека - его прихватывали "на стороне", из тех лишних людей, каких набирается на каждом прииске очень много. Было несколько и таких артелей, члены которых не были связаны никакими родственными узами, а единственно соединились для одной работы. Но последний, по-видимому, самый чистый тип артели представлял на прииске исключение, а главным правилом являлось все-таки артель-семья, как, например, Зайцы.

Главную массу приисковых рабочих составляли горнозаводские мастеровые и жители лесных деревень гористой части Верхотур-

ского уезда, где почва камениста и неродима; для них было во всех отношениях прямым расчетом работать на приисках семьями. Труд всех членов семьи утилизировался с замечательной последовательностью, и не пропадала даром ни малейшая его крупица. Приисковая тяга не миновала ни чьей головы, а слабейшим членам семьи, как это случается всегда, доставалось всех труднее: они выносили на своих плечах главный гнет.

- Прежде, как за барином жили, - рассуждал старый Заяц, - бывало, как погонят мужиков на прииски, так бабы, как коровы ревели... Потому известно, каторжная наша приисковая жизнь! Ну, а тут, как объявили волю да зачали по заводам рабочих сбавлять - где робило сорок человек теперь ставят тридцать, а то двадцать - вот мы тут и ухватились за прииски обеими руками... Все-таки с голоду не помрешь. Прежде один мужик маялся на прииске да примал битву, а теперь всей семьей страдают... И выходит, что наша-то мужицкая воля поровнялась, прямо сказать, с волчьей! Много через это самое золото, барин, наших мужицких слез льется. Вон, по-

гляди, бабы в брюхе еще тащат робят на прииски, да так и пойдет с самого первого дня, вроде как колесо: в зыбке старатель комаров кормит-кормит, потом чуть подрос - садись на тележку, вези пески, а потом становись к грохоту или полезай в выработку. Еще мужику туды-сюды - оно тяжело, чего говорить, а все мужик, мужик и есть - а вот бабам, тем, пожалуй, и невмоготу в другой раз эти прииски...

Мастеровые - народ обтертый, разговорчивый, одним словом, заводская косточка. Присутствие постороннего человека не только не стесняло заводских артелей, а, напротив, доставляло им большое удовольствие... Это и понятно, потому что к барину, в лице своих служащих и приказчиков, мастеровые привыкли с малых лет. Исключение представляли раскольники, которые на прииске занимали совсем отдельный угол и выглядели особнячком. Познакомиться с жизнью раскольничьих артелей являлось делом очень трудным. Мужики отмалчивались, бабы косились и отплевывались. На самой работе около раскольничьих вашгердов лежала печать какого-то

тяжелого отчуждения и подавленной, скрытой печали; не было слышно песен, не сыпались шутки и прибаутки, без которых не работает русскому человеку. Раскольники из лесных деревень, с реки Чусовой и из Чердынского уезда особенно бросались в глаза и своим костюмом, и полной неприступностью. Мне очень хотелось познакомиться поближе с жизнью этих именно артелей, и счастливый случай свел меня с одной из них.

- Ты чего это к кержакам к нашим повадился? - фамиллярно спросила меня однажды наша приисковая стряпка Аксинья, разбитная черноглазая бабенка, вечно щеголявшая в кумачных сарафанах и козловых ботинках.

- Да так... Посмотреть, как работают.

Аксинья молча посмотрела на меня и, показав два ряда, как слоновая кость, зубов, проговорила:

- А они тебя боятся... Думают, что ты не на счет ли золота досматриваешь. Право... Чистые дураки! Я им сколько говорю: барин простой, хороший... Ей-богу, вот сейчас с места не сойти, так и сказала. Ну, а брат-то мой... Видал, чай?

- Это с рыжей бородой?..

Аксинья взглянула на меня исподлобья и, улыбнувшись, кокетливо проговорила:

- Нет, это так... кум. Черт его знает, зачем шатается...

Кум, плотный старик с рыжей бородой, являлся к нам в контору периодически через каждые два дня; он обыкновенно усаживался на пороге кухни и терпеливо дожидался, пока щеголиха-кума освободится от своей суеты. Я замечал, что таинственное появление этого рыжего кума всегда совпадало с самым скверным расположением духа Бучинского. Этот почтенный человек раза два совсем утратил свое обычное душевное равновесие и даже вступил с Аксиньей в жестокую перепалку. Нужно сознаться, что победа осталась не на стороне Фомы Осипыча. Аксинья принялась так неистово голосить и так трещала языком, точно свежий блин на каленой сковороде, что Бучинский счел за самое лучшее отступить, хотя долго ругался на террасе и в конторе, посылая кума ко всем чертям и желая ему "четырнадцать раз сдохнуть". Очевидно, Аксинья крепко держала в своих руках женолю-

бивое сердце Бучинского и вполне рассчитывала на свои силы; высокая грудь, румянец во всю щеку, белая, как молоко, шея и неистощимый запас злого веселья заставляли Бучинского сладко жмурить глаза, и он приговаривал в веселую минуту: "От-то пышная бабенка, возьми ее черт!" Кум не жмурил глаза и не считал нужным обнаруживать своих ощущений, но, кажется, на его долю выпала львиная часть в сердце коварной красавицы.

- Ужо вот придет как-нибудь брат, так я скажу ему, - обещала Аксинья, когда я просил ее познакомить меня с кержаками, т.е. с раскольниками.

Брат Аксиньи, который на прииске был известен под уменьшительным именем Гараськи, совсем не походил на свою красивую сестру. Его хилая и тщедушная фигура с вялыми движениями и каким-то серым лицом, рядом с сестрой, казалась просто жалкой; только в иззелена-серых глазах загорался иногда насмешливый, злой огонек да широкие губы складывались в неопределенную, вызывающую улыбку. В моих глазах Гараська был просто бросовый парень, которому нечего и ду-

мать тянуться за настоящим мужиком.

- Это Гараська-то бросовый?! - удивился Бучинский, когда у нас зашла речь о нем. - Да я вам скажу, дайте мне десять старателей, за них одного Гараську не отдам. Да-с.

- Да ведь он же не может работать, как другие старатели?

- Работать... что такое работать... пхэ! Лошадь работает, машина работает, вода работает... так? А Гараська - золотой человек. У него голова на плечах, а не капустный вилок, как у других. Знаете, что я вам скажу, задумчиво прибавил Бучинский: - я не желал бы одной ночи провести вместе с этим Гараськой где-нибудь в лесу...

- Почему так?

Бучинский насосал свою трубку, исчез в облаках дыма и засмеялся:

- Вот вы живете неделю на прииске и еще год проживете и все-таки ничего не узнаете, - заговорил он. - На приисках всякий народ есть; разбойник на разбойнике... Да. Вы посмотрите только на ихние рожи: нож в руки и сейчас на большую дорогу. Ей-богу... А Гараська... Одним словом, я пятнадцать лет слу-

жу на приисках, а такого разбойника еще не видал. Он вас среди белого дня зарежет за двугривенный, да еще и зарежет не так, как другие: и концов не найти.

Бучинский любил прибавить для красного словца, и в его словах можно было верить любой половине, но эта характеристика Гараськи произвела на меня впечатление против всякого желания. При каждой встрече с Гараськой слова Бучинского вставали живыми, и мне начинало казаться, что действительно в этом изможденном теле жило что-то особенное, чему не приберешь названия, но что заставляло себя чувствовать. Когда Гараська улыбался, я испытывал неприятное чувство.

- А вам что смотреть у нас? - как-то равнодушно спрашивал Гараська, когда мы от контроля шли к его вашгерду. - Робим, как все другие...

Объяснить прямую цель своих посещений я не желал, а только постарался уверить загадочного парня в полной чистоте своих намерений.

Из выработки подозрительно глянуло на нас широкое и суровое лицо рыжего кума, а

около вашгерда молча работали две женщины. Они даже не взглянули в нашу сторону. Одна, помоложе, со следами недавней красоты на помертвелом бледном лице, глухо кашляла; это была, как я узнал после, любовница Гараськи, попавшая на прииски откуда-то из глубины Чердынского уезда. Другая женщина, некрасивая и рябая, с тупым равнодушным лицом, служила живым олицетворением одной мускульной силы, без всяких признаков той сложной внутренней жизни, которая отпечатывается на человеческом лице.

- Ну, теперь видел? - коротко проговорил Гараська, когда мы осмотрели выработку и вашгерд; кум молчал, как затравленный волк, бабы смотрели в сторону.

- Отчего вас работает всего четверо? - спросил я. - Ведь неудобно...

- Кому как, а нам и так хорошо.

Я заходил несколько раз к Гараське, и эти посещения не привели ни к чему, за исключением того, разве, что кум, наконец, расступился и заговорил. Поводом для нашего сближения послужила охота. Кум снизошел даже до того, что обещал когда-нибудь в праздник

сводить меня под какую-то Мохнатенькую гору, где дичи водилось видимо-невидимо. Однажды, когда я сидел в выработке кума, до меня донеслись странные звуки: в первую минуту я подумал, что кто-то причитает по покойнику, но потом уже расслышал, что это была песня.

- Ишь, развылась! - строго заметил кум, не страдавший излишней словоохотливостью и болтливостью.

- Кто это поет?

- Да Гараськина Марфутка каку-то плачу все воет... Слышь, в ихней стороне на свадьбе такие песни играют. Марфутка-то, чердынская выходит, так к ненастью и тоскует...

- А другая девка - заводская?

- Это Ховря-то? А черт ее знает, откуда она... Какая-то бесчувственная, Христос с ней!

Я долго вслушивался в "плачу" Марфутки. Голос у нее был хороший, хотя и надсаженный. Но в словах и в самом мотиве "плачи" было столько безысходной тоски, глухой жалобы и нежной печали!..

Мне ночесь, молодешеньке,
Не спалось да много виделось:

.....

С по лугам, лугам зеленым
Разлилася вода вешняя,
По крутым красным бережкам,
По желтым песочкам.
Отнесло, отлелеяло
Милу дочь да от матери;
Шла по бережку родна матушка,
С-покруту родимая...
"Воротись, мое дитяtko!
Воротись, мое родимое!"

IV

Кум угадал; действительно, Марфутка не даром разливалась в своем плаче - вечером же небо обложилось со всех сторон серыми низкими тучами, точно войлоком, и "заморосил" мелкий дождь "сеночной". Утром картина прииска изменилась до того, что ее трудно было даже узнать сразу. А через три дня все кругом покрылось мутноватой водою и липкой приисковой грязью; песни смолкли, самые веселые лица вытянулись, и все смотрели друг на друга как-то неприязненно, точно это низкое серое небо придавило всех. Всякому было до себя, до своего измокшего, зябнув-

шего тела. Под этим ненастьем ярко выяснилась самая тяжелая сторона приисковой работы, когда по целым дням приходилось стоять под дождем, чуть не по колено в воде, и самый труд делался вдвое тяжелее. Рабочие подходили на мокрых птиц, которые с тупым равнодушием смотрят на свои мокрые опустившиеся крылья. Женщинам и здесь доставалось тяжелее, чем мужчинам, потому что сарафаны облепляли мокрое тело грязными тряпками, на подолах грязь образовывала широкую кайму, голые ноги и башмаки были покрыты сплошным слоем вязкой красной глины.

Сидеть в конторе в такую погоду, с глазу на глаз с Бучинским, было просто невыносимо. Натянув охотничьи сапоги, я побрел через весь прииск к машине, где рассчитывал посмотреть на работу под прикрытием какого-нибудь навеса или приисковых полатей. Около вашгердов шла молчаливая работа, точно все на кого-то сердились. В выработке Зайца я не заметил старика. Никита работал с каким-то молодым бойким мужиком в заплатанной кумачной рубаше и в рваном татар-

ском азяме; сплющенная, как блин, кожаная фуражка была ухарски сбита на затылок. Загорелое бойкое лицо было не заводского типа.

- А где старый Заяц? - спросил я, подходя к выработке.

- В балагане лежит, - отвечал Никита.

- Обезножил старый Заяц, - прибавил мужик, не спуская с меня своих больших черных глаз. - А я вот на его место попал...

У вашгерда, где работала Зайчиха со снохою и дочерью, сидел низенький тщедушный старичок с бородкой клинышком. Он равнодушно глянул на меня своими слезившимися глазками, медленно отвернул полу длинного зипуна и достал из-за голенища берестяную табакерку: пока я разговаривал с Зайчихой, он с ожесточением набил табаком свой распухший нос и проговорил, очевидно, доканчивая давешний разговор.

- Нет, Матвеевна, не тово... не ладно...

- Сделай ты ладнее, сват Сила.

- Нет, не ладно, Матвеевна...

- Ну, наладил одно: не ладно, не ладно. А кого возьмешь? Работа не ждет, а Заяц третий день в балагане валяется. К ненастью, гово-

рит, спина страсть тосковала, а потом и ноги отнялись. Никита и привел Естю...

- Да ведь Естя-то откуда ваш?

- А кто его знает... Спроси сам, коли надо...

- Видел я его даве: орелко... Нет, Матвеевна, не ладно. Ты куда, барин? - спросил меня старик, когда я пошел от вашгерда. - На машину? Ну, нам с тобой по дороге. Прощай, Матвеевна. А ты, Лукерья, что не заходишь к нам? Настя и то собиралась к тебе забежать, да ногу повихнула, надо полагать.

Мы пошли. Старик как-то переваливал на ходу и постоянно передвигал на голове свою высокую войлочную шляпу с растрескавшимися полями; он несколько раз вслух проговорил: "Нет, Матвеевна, не ладно... я тебе говорю: не ладно!"

- Что не ладно-то, дедушка? - спросил я.

- Как что?.. Орелка-то видел? Ну, и не ладно выходит. Теперь Заяц в балагане лежит, а Естя будет работать. Так? А Лукерья, выходит, мне дочь... да и Паранька-то девчонка молодая. Чужой человек в дому хуже хвори... Теперь понял? Где углядишь за ними... Нет, Матвеевна, не ладно! Глаз у этого у Ести круглый,

как у уросливой лошади.

- "Губернатору" наше почтение!.. - кричал какой-то мужик с черной бородой, когда мы проходили со стариком мимо одной выработки.

- Будь здоров, Евстрат! - добродушно отозвался старик, приподнимая свою шляпу. - Эх, вода одолела прииск, барин! Теперь ненастье, надо полагать, зарядило ден на пять... верно.

- Тебя зачем "губернатором" зовут, дедушка?

- Губернатором-то? А вот заходи как-нибудь ко мне в балаган, так я тебе расскажу все по порядку. Только спроси, где, мол, "губернатор" старается: всякий мальчонко доведет. Ну, прощай, мне сейчас направо идти.

Старик приподнял свою разношенную шляпу и побрел по маленькой дорожке, которая отделилась вправо: шлепая по лужам, губернатор несколько раз передвинул шляпу на голове и проговорил не выходявшую из его головы фразу: "Нет, Матвеевна, не ладно!.."

Золотопромывательная машина вблизи представляла из себя подъезд на высоких сваях, главный корпус, где шумело водяное коле-

со, и маленький шлюз, по которому скатывалась мутная вода. Если около старательских вашгердов земля была изрыта везде, как попало, зато здесь работы велись в строгом порядке, по всем правилам искусства. Прежде всего снят был в несколько правильных уступов верхний пласт земли, турфы, и затем обнаженная золотая россыпь вырабатывалась шаг за шагом, чтобы не оставить в земле ни одной крупницы драгоценного металла. Накоплявшаяся в низких местах вода откачивалась паровой машиной. Для старательского вольного промысла здесь не было места, а работа велась наемными поденщиками. Это и была та приисковая голытьба и рвань, которая не в силах была соединиться в артели, а предпочитала поденщину.

Я пришел к той части машины, где на отлогом деревянном скате скоплялись шлихи и золото. Два штейгера в серых пальто наблюдали за работой машины; у стены, спрятавшись от дождя, сидел какой-то поденщик в одной рубахе и, вздрагивая всем телом, сосал коротенькую трубочку. Он постоянно сплевывал в сторону и сладко жмурил глаза.

- Где бы мне увидеть зрителя машины? - спросил я у штейгера.

- Да вон он торчит... Точно филин, прости господи! - сердито отозвался один из штейгеров, движением головы указывая наверх.

Я поднял голову и несколько мгновений остался в такой позе неподвижно. Наверху, облокотившись на перила подъезда, стоял небольшого роста коренастый и плотный господин в осеннем порыжелом пальто; его круглая, остриженная под гребенку голова была прикрыта черной шляпой с широкими полями. Он смотрел на меня своими близорукими выпуклыми глазами и улыбался. Нужно было видеть только раз эту странную улыбку, чтобы никогда ее не забыть: так улыбаются только дети и сумасшедшие.

- Да ведь это Ароматов, Стратоник Ермолаич?.. - проговорил я, наконец.

- Здравствуйте, domine! - весело отозвался господин в осеннем пальто и как-то на отлет приподнял свою широкополую шляпу, причем открылся громадный выпуклый лоб и широкая лысина во всю голову.

Через минуту я имел удовольствие пожать

небольшую, всегда холодную руку моего старого знакомого.

- Да ведь я вторую неделю живу на прииске, - говорил я. - Как же это мы с вами не встретились до сих пор?

- Очень просто, domine... У нас с Бучинским контты - вот и не встгетились, - добродушно отвечал Ароматов, не выпуская моей руки. Пгедставьте себе... Однажды Бучинский идет мимо машины, я и кгичу ему: "Фома Осипыч, зайдите ко мне на минутку..." А он мне: "Стгтоник Егмолаич, хлеб за бгюхом не ходит". А я ему: "Извините Фома Осипыч, я не знал, что вы хлеб, а я бгюхо..." Ну, и газошлись... Ну, да это все пустяки... А мы с вами давненько-таки не видались, domine?.. Позвольте, где это в последний газ я вас встгетил... Та-та-та!.. Помните о.Магка? Ведь у него? Да, да...

- Да на прииски-то вы как попали?

- Волею неисповедимых судеб служу специально златому тельцу втогой год... Как же-с!.. Некоторогым обгазом, споспешествуем пгес-успеяниям отечественной пгомышленности, а если пегевести сие на язык пгостых копеек получаем двадцать гублей жалованья.

Широкое добродушное лицо Ароматова при последних словах точно расцвело от улыбки: около глаз и по щекам лучами разбежались тонкие старческие морщины, рыжеватые усы раздвинулись и по широким чувственным губам проползла удивительная детская улыбка. Ароматов носил окладистую бородку, которую на подбородке для чего-то выбривал, как это делают чиновники. Черный шелковый галстук сбился набок, открывая сомнительной белизны ситцевую рубашку и часть белой полной шеи.

- Да, я устроился по-американски и живу настоящим янки, - прибавил Ароматов как бы в ответ на мой осмотр. - Да вот пойдемте в мою землянку, там все увидите.

Если вообще на Руси странных людей непочатый угол, то, без всякого сомнения, Ароматов принадлежал к числу самых странных, начиная с его детского выговора и сумасшедшей улыбки. Я с ним познакомился совершенно случайно, в глухой деревушке Зауралья, куда нас загнала жестокая зимняя метель. Как теперь вижу Ароматова, как он вошел в избу в волчьем тулупе и без церемоний

заговорил своим комически возвышенным слогом: "Извините, если я помешаю вам своим присутствием... Но законы погоды стоят выше условных пиличий. Полягным льдам угодно было скопиться в устьях Оби, обгазовалось громадное холодное течение, понеслась пугга, и вот мы, nolens-volens, должны познаться. Да, человек является только ничтожной единицей в агифметических выкладках погоды, но он все-таки не дитя слепого случая.

Ты дхнешь - и двигнешь океаны,
Гечешь - и вспять они текут.
А мы?.. одной волной подъяты,
Одной волной поглощены",
с неподдельным пафосом продекламировал Ароматов, не вылезая из своего тулупа.

- Имею честь гекомендоваться: сопгичислен к лику святых, к колену левитову, - прибавил Ароматов совершенно другим тоном и, в первый раз, улыбнулся своей сумасшедшей улыбкой. - А теперь пгинадлежу к взыскующим ггада.

Кому случалось по целым суткам отсиживаться от зимней метели где-нибудь в мужиц-

кой избе, тот поймет, что Ароматов был для меня настоящей находкой. Он проговорил в течение десяти часов без умолку, пересыпая свою речь цитатами из Белинского, Добролюбова, Писарева, Бокля и Спенсера; несколько раз принимался декламировать стихи Некрасова и передавал в лицах лучшие сцены комедий Островского и Гоголя. Как актер, Ароматов был замечательно хорош, но его погубила "проклятая буква р"; колоссальная память и начитанность придавали его разговорам живой интерес, и, что всего занимательнее, он владел счастливой способностью не только схватить, но и передать с замечательным искусством смешные стороны в людях и животных. Пока мы дожидались конца метели, наша изба превратилась в сцену: Ароматов скопировал своего ямщика, старуху, которая пряла нитки, кошку, лакавшую молоко; успел показать, как пьет курица, клюют ерши, как дерутся собаки, представил в лицах кошачий концерт и т.д. Бабы и ребятишки смотрели на Ароматова с разинутыми ртами, а когда он перешел к опытам чрево вещания - в ужасе попятились от чудного барина и на-

чали даже креститься.

Во второй раз я неожиданно столкнулся с Ароматовым на фабрике одного из уральских железных заводов, где он фигурировал в качестве простого рабочего. Но тяжелый фабричный труд оказался Ароматову не по силам, и в следующий раз я встретил его уже совершенно в новой роли. Мне нужно было взять из ...ского волостного правления какую-то справку. Захожу в волость и вижу целую толпу людей, которая окружила стол и хохотала, как сумасшедшая. Проталкиваюсь вперед, смотрю, за столом сидит Ароматов и пишет обеими руками: одной отношение становому, другой - какой-то протокол исправнику. В последний раз мы виделись с Ароматовым у о.Марка; Ароматов служил за псаломщика, пел на клиросе, читал апостол, подавал кадило. Он объяснил это последнее свое превращение законом наследственности.

- Вот и моя хатка, - проговорил Ароматов, когда мы подходили к какой-то землянке. - Живу, как амегиканец... Питаюсь солониной, читаю газеты. Только вот никак не могу пгивыкнуть жевать табак...

- Да для чего вам его жевать?

- Как для чего, domine? Вгемя - деньги, а на кугение табаку сколько его напгасно уходит.

Вход в землянку походил на нору; узкое окошечко из разбитых стекол едва освещало какую-то нору, на которой валялась уже знакомая читателю шуба, заменявшая Ароматову походную постель, столик из обрубка дерева, полочка с книжками и небольшой очаг из булыжника. Трубы не полагалось, и поэтому все кругом было покрыто толстым слоем сажи.

- Живу, как индеец, - объяснял Ароматов, любезно предлагая мне место на волчьей шубе. - Omnia mea mecum porto... Конечно, сначала тгудновато гасстаться с некоторогими пгедгассудками, но энеггия пгежде всего. Это ведь только кажется, что мы не можем обойтись без гогячего обеда, чистого белья, светлого помещения - я испытал на себе.

- Все это предрассудки по-вашему?

- Совершеннo вегно...

Очевидно, Ароматов находился в периоде американизма и бредил жизнью настоящего янки; на одной стене была повешена четы-

реугольная картонка, на которой готически-ми буквами было написано: "Деньги потерял - ничего не потерял, время потерял - много потерял, энергию потерял - все потерял". На другой такая же картонка с другой надписью: "Time is money". На полочке с книгами я рассмотрел несколько разрозненных томов Добролюбова и Белинского, папку с бумагами и маленький томик рассказов Брет-Гарта.

- Все-таки, Стратоник Ермолаич, как вы наприиски попали? - спрашивал я, когда Ароматов усердно принялся разводить на своем очаге огонь, чтобы угостить меня вновь изобретенным им кушаньем, из провесной свинины с какими-то травами и кореньями.

- Да я же служил в гогном пгавлении в ...ге десять лет, - объяснял Ароматов, наполняя свою конуру густым едким дымом. - Как же... Имею чин титулягного советника. Помните у Некгасова:

Он был титулягный советник,

А она - генегальская дочь...

Ароматов речитативом пропел до конца все стихотворение и опять принялся раздувать огонь.

- Отчего же вы оставили казенную службу?

- Да не пгиходится... Пока служил в пгавлении - все было хогошо, а как меня командиговали на казенные золотые пгоммыслы - все и пошло пгахом... Мне выпадало гедкое счастье набить кагманы... Да! На гысаках бы тепегь катался, денег хоть лопатой ггеби... Ну, не вытегпел. Нагод ггабят на пгиисках, я и донес в гогный депагтамент, а меня сейчас по шапке.

Ароматов подробно рассказал, как он попался в настоящую "золотую кашу". На казенных приисках шла в то время большая игра: не воровал только тот, кому лень было протянуть руку. Рвали страшные куши и дележка казенного совершалась в вопиющих размерах. Система этого хищения была выработана с замечательным искусством. Так как устав о золотопромышленности запрещал вести промывку золота старательским "хищническим" способом, то она производилась поденщиной... на бумаге. В сущности, все промытое золото добывалось теми же старателями и сдавалось ими в приисковые казенные конторы по 1 р. 70 к., а в книгах все было разложено на поденщину. В результате правительству каж-

дый золотник, намытый этим казенным способом, обходился средним числом в 3 1/2 - 4 1/2 рубля. Разница, которая получалась между платой старателям и показной ценой, достигала почтенной цифры - 2, 3 рубля с каждого золотника. Сколько было нажито на этой незамысловатой операции, покажет приблизительный расчет: на казенных ...ских промыслах добывалось в год золота до тридцати пудов. Воротилы казенных золотых приисков, считая прибыли с каждого золотника по 2 р., с тридцати пудов средним числом, за здорово живешь, получали ни больше, ни меньше, как двести тысяч рубликов в год. К этому нужно еще прибавить оклады жалованья чиновникам, затем суммы на различные командировки, разведки и комиссии; наконец, практиковался самый простой способ обкрадывания мелких служащих: маленькая чинушка расписывалась в получении двадцати пяти или тридцати рублей жалованья, а в действительности получала всего десять, пятнадцать рублей. Наконец, записывалось жалованье мифическим служащим, существовавшим только, на бумаге; спекулировали на

провианте, который запасался рабочим, и т.д. Одним словом, велась крупная игра вкруговую, где "рука руку мыла". Донос какого-то Ароматова, конечно, канул в реку забвения, вместе с его автором.

- А на частных промыслах разве лучше? - спрашивал я Ароматова, который теперь сидел перед огнем на корточках и кулаком протирал глаза; я, в ожидании американского кушанья, тоже задыхался от густого дыма, и принужден был несколько раз выходить из землянки, чтобыдохнуть свежим воздухом.

- На частных промыслах, по крайней мере, есть впереди выход, - объяснял чудака. - Погодите, всем будет хогошо...

- Когда?

Ароматов повернул ко мне свое вспотевшее лицо, покрытое сажей, и с детской уверенностью сумасшедшего человека проговорил:

- А вот когда устроим все по-американски... Вы не смейтесь, domine. У меня в голове иногда действительно немного ум за разум заходит, а все-таки нужно "совлечь с себя ветхого человека" и жить по-американски. По моему,

Госсия и Амегика очень походят друг на друга. Это две молодые цивилизации, пгямая задача котогых выгаботать новые фогмы жизни.

Новое американское кушанье вкусом походило на спартанскую похлебку, и мне стоило большого труда отказаться от удовольствия проглотить его целую кружку.

V

Однажды после обеда, когда я с книгой в руках лежал в своем уголке, слышался грохот подъехавшего к конторе экипажа. Не успел я подняться навстречу подъехавшим гостям, как в дверях показался небольшого роста господин в черной фрачной паре, смятой сорочке, без галстука и с фуражкой на затылке.

- Карнаухов пьяница... вверрно!.. Дда, Лука Карнаухов величайший пьяница из всех рожденных женами. А все-таки Карнаухов честный человек... Федя! Ведь мы с тобой честные человеки?

- Точно так-с, ваше высокоблагородие, - солдатски ответил сухой, вытянутый старик; в дверях виднелась одна его голова в какой-то поповской шляпе.

- Высокоблагородие... хе-хе!.. - продолжал Карнаухов, пошатываясь на своих коротеньких и кривых ножках. - А ежели разобрать, Федя, так мы с тобой выходим порядочные подлецы... Ведь подлецы?..

- Никак нет-с...

- Ну, ин будь по-твоему: честные подлецы... Хха!.. Ах черт тебя возьми, Федя!.. Вчера пили коньяк на Любезном у этого эфиопа Тишки Безматерных, так? Третьего дни пили шампанское у доктора Поднебесного... так? Ну, сегодня проваландаемся у Бучинского... так? А завтра... Федя, ну кудда мы с тобой завтра денемся?..

- Вы хотели, ваше высокоблагородие, побывать на Майне.

- Это у Сеницына? У разбойника?!. Ну нет, шалишь: Лука Карнаухов к Сеницыну не поедет, хоть проводи он от Панышина до Майны реку из шампанского... На лодке по шампанскому вези - и то не поеду! Понял? Сеницын - вор... Ты чего это моргаешь?

Федя - седой сухой старик, только пожал широкими острыми плечами и молча кивнул в мою сторону своей по-солдатски подстри-

женной головой. В переводе этот жест означал: "Чужой человек здесь, ваше высокоблагородие"... Карнаухов посмотрел в мою сторону воспаленными голубыми глазками и, балансируя, направился ко мне с протянутой рукой.

- А, здравствуйте, батенька! - заговорил он таким тоном, точно мы вчера с ним расстались. - А я вас и не заметил... извините... А мы вчера у Безматерных с дьяконом Органовым сошлись... Вот уж поистине: гора с горой не сходится, а пьяница с пьяницей всегда сойдутся. Ну и устроили, я вам скажу, такое попоище, такой водопой!.. Ха-ха!.. Доктора Поднебесного знаете? В окно выскочил да в лес... Со всем осатанел от четырехдневного пьянства... Спасибо, вот Федя поймал, а то бы наш доктор где-нибудь в шахте непременно утонул. Ей-богу!..

Карнаухов остановился, неверным движением поправил спутанные волосы на голове, улыбнулся и тоном не совсем проснувшегося человека проговорил:

- Послушайте, вы к Синицыну не ездите. Синицын - вор...

- Не пойман - не вор, ваше высокоблагородие! - коротко заметил Федя, поправляя широчайшей ручищей выцветший лацкан своей охотничьей куртки.

- Нет, братику, вор! - настаивал Карнаухов, напрасно стараясь попасть рукой в карман расстегнутого жилета, из которого болталась оборванная часовая цепочка. - Ну, да черт с ним, с твоим Синицыным... А мы лучше соборне отправимся куда-нибудь: я, Тишка, доктор, дьякон Органов... Вот пьет человек! Как в яму, так и льет рюмку за рюмкой! Ведь это, черт его возьми, игра природы... Что ж это я вам вру! Позвольте отрекомендоваться прежде! Лука Карнаухов, хозяин Паньшинского прииска...

Заметив мой вопросительный взгляд, Карнаухов торопливо заговорил:

- Да, собственно, прииск принадлежит Миронее Самоделкиной, только Мироней-то Самоделкина принадлежит мне, яко моя законная жена... Теперь поняли? Еще в "Belle Helene" есть такой куплет:

Я муж царицы,
Я муж царицы...

Ах, черт возьми!.. Моя Миронея так же походит на Елену, как уксус на колесо... Ха-ха!.. А мы все-таки, батенька, поедем с вами... Федя, ведь поедем?

- Соснуть бы, ваше высокоблагородие! Три ночи не сыпали.

- По-твоему, значит, я должен удалиться в объятия Морфея?

Федя вместо ответа разостлал на постели Бучинского потертый персидский ковер и положил дорожную кожаную подушку: Карнаухов нетвердой походкой перебрался до приготовленной постели и, как был, комом повалился взъерошенной головой в подушку. Федя осторожно накрыл барина пестрым байковым одеялом и на цыпочках вышел из комнаты; когда дверь за ним затворилась, Карнаухов выглянул из-под одеяла и с пьяной гримасой, подмигивая, проговорил:

- Видели этого дурака, Федьку-то? Ведь дурак по всем трем измерениям, а моя-то благоверная надеется на него... Ха-ха!.. На улице жар нестерпимый уши жжет, а он меня байковым одеялом закрыл. Как есть, двояковыпуклый дурень!

Карнаухов весело и как-то по-детски хихикнул; взмахнул короткими ручками, как собирающаяся взлететь на забор курица, и после небольшой паузы опять заговорил:

- Послушайте... Есть двоякого рода подлецы: подлецы чистейшей воды, как Синицын или Бучинский, и подлецы честные, как ваш покорный слуга, Лука Карнаухов, муж Самоделкиной... Ну, скажите, ради бога, что это такое: муж купчихи Миронеи Самоделкиной... Я теперь послан в ссылку, некоторым образом, а Федька изображает цербера... Ведь я образование высшее получил, голубчик! Как же! Думал даже пользу человечеству приносить! Миронея Самоделкина... Тьфу!.. Послушайте, однако, вы за кого меня считаете? Ну, сознайтесь, ведь подумали: "Вот, мол, дурак этот Лука, сроду таких не видал..." а?

Не дожидаясь ответа, Карнаухов боязливо посмотрел на входную дверь и с поспешностью нащалившего школьника нырнул под свое одеяло. Такой маневр оказался нелишним, потому что дверь в контору приотворилась и в ней показалась усатая голова Феди. Убедившись, что барин спит, голова скры-

лась: Карнаухов действительно уже спал, как зарезанный.

Погода к вечеру разгулялась; по синему небу белыми шапками плыли вереницы облаков; лес и трава блестели самыми свежими цветами. Природа точно обновилась под дождем и расцветала всеми своими красками. Федя сидел на крылечке и, от нечего делать, покуривал из коротенькой пенковой трубочки. Его потемневшее сморщенное лицо точно застыло в степенном, выжидающем выражении, как это бывает только у хороших собак и старых слуг. В тупом взгляде небольших серых глаз, в уверенной улыбке, в каждом движении чувствовалось какое-то обидное холопское самодовольство. На пороге кухни сидел рыжий "кум", а напротив него, брюхом на зеленой траве, с соломинкой в зубах, лежал Гараська. Все трое молчали, но в выражении лиц и взглядов можно было заметить скрытую глухую злобу. Застарелый холоп ненавидел всеми силами своей души этих вольных людей, как собака ненавидит волков.

- Ну, чего вы чертями-то сидите? - не вытерпел, наконец, старик, когда я вышел на

крыльцо. - Видите, барин вышел, ну, шапочку бы сняли. Ах, вы, чертоломы! Ведь с поклону голова не отвалится!

- А ты вот что, милый человек, - растягивая слова, заговорил Гараська своим тенором. - Мы не к тебе пришли, чего ты шеперишься?.. Мы к Фоме Осипычу.

- "К Фоме Осипычу"... - передразнил Федя, сердито сплевывая на сторону. - Знаем мы вас... Не велик еще в перьях-то ваш Фома Осипыч!.. Избаловал он вас, вот что!

- Да ты нешто с того свету пришел, дедушко, чего больно ругаешься-то!.. Мотри, к ненастью...

- А то и ругаюсь, что насквозь вас вижу, всех до единого человека. Все ваши качества вижу.

Наступило принужденное молчание. Со стороны прииска, по тропам и дорожкам, брели старатели с кружками в руках; это был час приема золота в конторе. В числе других подошел, прихрамывая, старый Заяц, а немного погодя показался и сам "губернатор". Федя встречал подходивших старателей самыми злобными взглядами и как-то забавно фукал

носом, точно старый кот. Бучинского не было в конторе, и старатели расположились против крыльца живописными группами, по два и по три человека.

- На Майне богатое золото идет, - говорил мужик с окладистой черной бородой. - Сказывают, старую свалку стали промывать, так, слышь, со ста пудов песку по золотнику падает.

- Но-о? - отозвался "губернатор".

- Верно.

- Вишь ты... а?! Старую свалку, говоришь?

- Да... Хотели пробу сделать, а тут богатство.

- Лаадно...

- У Майновских-то, золотников золото в сапогах родится, - ядовито заметил Федя. - Знаем мы, какую на Майне свалку моют... У Синицына, ежели он захочет, и золото из глины полезет. Варнаки вы все, вот что я вам скажу! неожиданно заключил Федя, бросая вызывающие взгляды.

Старатели переглянулись; слышался сдержанный смех. От толпы отделился "губернатор" и неторопливым мужицким шагом по-

дошел к самому крыльцу.

- А ты видал, в каких сапогах майновские-то золотники ходят? спрашивал старик, не спуская глаз с Феди.

- Вы только послушайте ихний воровской разговор, - обратился Федя ко мне, не отвечая на вопрос губернатора. - Спроста слова не скажут... У них и язык свой, как у цыган.

- Ну-ну, дедко, скажи-ко по нашему-то? - спрашивал из толпы бойкий парень в кумачной рубахе. - Гляжу я на тебя, больно ты лют хвастать-то...

- "Принеси мне смолы два, заноза в лесу", - проговорил Федя, опять обращаясь ко мне. - Поняли?

- Нет.

- Ну, а они понимают. Ведь понимаете? - обратился Федя победоносно к толпе старателей.

- А что это значит? - спросил я.

- "Принеси фунт золота, лошадь в лесу..." - объяснил Федя. - Золотник по-ихнему три, фунт - два, пуд - один; золото - смола, полштоф - притачка, лошадь - заноза... Теперь ежели взять по-настоящему, какой это народ?

Разве это крестьянин, который землю пашет, али там мещанин, мастеровой... У них у всех одна вера: сколько украл, столько и пожил. Будто тоже золото принесли, а поглядеть, так один золотник несут в контору, а два на сторону. Волки так волки и есть, куда их ни повороти!..

- Ты чего тут ругаешься, Федя? - спрашивал Бучинский, подходя к нашему крыльцу с прииска.

- Да вот, Фома Осипыч, люблюсь на ваших золотников, - отвечал Федя, вытягиваясь во фронт. - Настоящая семая рота...

Бучинский засмеялся и прошел в контору; что хотел сказать Федя последним сравнением, так и осталось неизвестным. Старатели один за другим побрели в контору, а Федя, осторожно оглянувшись кругом, прошептал:

- Этого Фомку беспалого, сударь, мало повесить.

- Как так?

- Да уж так-с... Конечно, барин не занимается приисками, а барыня, Миронея Кононовна, по своему женскому малодушию, ничего даже не понимают. Правду нужно говорить,

сударь... Так Фомка-то всем и верховодит: половину барыне, а половину себе. Ей-богу!.. Обошел, пес, барыню, и знать ничего не хочет. А дело не чисто... Я вам говорю. Слышали про Синицына-то, что даве барин говорил? Все как есть одна истинная правда: вместе с Фомкой воруют.

В это время в дверях показался старый Заяц.

- Ну, что, как дела? - спросил я его.

- Не спрашивай, барин... - глухо ответил старик и махнул рукой.

- Что так? Плохо золото идет?

- Нет, золото ничего... Заходи как-нибудь к нам в балаган, покалякаем. А я неделю без ног вылежал... Ох-хо-хо!..

VI

Трудно себе представить что-нибудь оригинальнее уральской летней ночи. Внизу сгустился мрак, и черные тени залегли по глубоким лугам; горы и лес слились в темные сплошные массы; а вверху, в голубом небе, как алмазная пыль, фосфорическим светом горят неисчислимые миры. Прииск потонул в густом белом тумане, точно залитый моло-

ком; огни у старательских балаганов потухли и только где-где глянет сквозь ночную мглу красная яркая точка. Слышно, как бродят по траве спутанные лошади; где-то залаяла собака; бестолково шарахнулась в застывшем воздухе птица и камнем пала в траву. Месяц бледным серпом выплыл из-за горы, и от него потянулись во все стороны длинные серебряные нити; теперь вершины леса обрисовались резкими контурами, и стрелки елей кажутся воздушными башенками скрытого в земле готического здания. Но вот далеко-далеко из тумана встала проголосная русская песня и полилась по всему прииску:

Между го-ор-то было да Енисейских гор,
Раздается его томный глас...

- И песня-то разбойничья! - проговорил Федя.

- Как разбойничья?

- Да так - разбойничья, и все тут. Сложил эту песню разбойник Светлов, когда по Енисейским горам скрывался. Одно слово: разбойничья песня, ее по всем приискам поют. Этот самый Светлов был силищи непомерной, вроде как медведь. Медные пятаки паль-

цами свертывал, подковы, как крендели, ломал. Да... А только Светлов ни единой человеческой души не загубил, разбоем одним промышлял.

Мы долго сидели молча, прислушиваясь к заунывному мотиву разбойничьей песни. Я раскурил папироску.

- А позвольте узнать, сударь, - заговорил Федя, - из какого дерева у вас портсигар?

- Кажется, из ореха.

- Так-с... Из ореха.

Федя немного помолчал, затем вздохнул всей грудью, заговорил каким-то изменившимся слащавым голосом:

- Эх, сударь, что этого ореха в нашей Владимирской губернии растет... Ей-богу! А вишенье? А сливы? Чего проще, кажется, огурец... Такое ему и название: огурец - огурец и есть. А возьмите здешний огурец или наш, муромский. Церемония одна, а вкус другой. Здесь какие места, сударь! Горы, болотина, рамень... А у нас-то, господи батюшко! Помирать не надо! И народ совсем особенный здесь, сударь, ужасный народ! Потому как она, эта самая Сибирь, подошла - всему конец. Ей-богу!..

- А ты давно сюда попал?

- Я-то?.. Да считать, так все тридцать лет насчитаешь. Да-с. Глупость была... По первоначалу-то я, значит, промышлял в Москве. Эх, Москва-матушка! Было пожито, было погуляно - всячины было! Половым я жил в трактире, а барину своему оброк высылал. А надо вам сказать, что смолоду силища во мне была невероятная... Она меня и в Сибирь завела. Да. Видите ли, как это самое дело вышло. Вы слыхали про купца Неуеденова?

- Нет.

- Ну, да где же и слыхать! - с самодовольной улыбкой проговорил Федя. Вас еще тогда, может, и на свете не было. Это еще до крымской войны, сударь, было дело. Так вот-с, этот самый купец Неуеденов и повадился в наш трактир ходить. Так-с. Из себя невелик, а в крыльцах широк, и рука у него тяжелая. Хорошо. Вот, ходит он к нам в трактир и все как будто на меня поглядывает. Раз этак смотрел-смотрел на меня да и говорит: "А что, Федя, сила у тебя есть?" - "Есть, говорю, ваше степенство, маленькая силенка. Десятипудовые сундуки в третий этаж на собственной спине

подымаю". - "Так, говорит. А хочешь, говорит, со мной силой попробовать: одолеешь - тебе десять рублей, не одолеешь - бог простит". Забавно мне это показалось, потому, думаю про себя, что возьму я его да со всем потрохом в окно выкину. Ей-богу! Бывалое дело, не такие столбы ломил... Ну-с, снял он с себя сюртучок, полотенце через плечо и давай бороться. Что бы вы думали! Ходили-ходили мы, ка-ак он меня хлопнет под коленку, да о-земь... У меня свет из глаз! Ну, посмеялся он тогда, угостил водкой и говорит: "А ты мне, Федя, понравился; хочешь ко мне на службу поступить - жалованьем не обижу". То, се - и уговорил меня ехать с ним на Урал, а зачем - не сказал. Ну, собрались мы и але марш в дорогу. Тогда этих железных дорог и в помине не было; мы по зиме и махнули. Приезжаем мы на Урал, в Екатеринбурге наняли избушку и живем, а мой купец и говорит: "Ну, Федя, теперь торговать будем..." Смеется. "Чем?" - спрашиваю. - "Краденым золотом", - говорит. Как это самое слово сказал он, так меня даже в пот ударило. Думаю: пропала моя голова, не видать мне ни дна, ни крыши. Ведь по тогдашним време-

нам за эти дела по зеленой улице да в каторгу. Понимаете, сударь, я от этих самых мыслей и сна и пищи решился. Похудел даже из себя, а потом прихожу к своему купцу и говорю: "Ваше степенство, как хошь, а я тебе не слуга... Поищи другого". Опять смеется. "Испугался, Федя?" - спрашивает. - "Точно так", - говорю. - "Ну, так, говорит, не бойся. Только, говорит, что я тебе скажу: было бы шито и крыто, а то я тебе так завяжу язык, что и ворон костей не найдет". И что бы вы думали? Ведь этот самый купец Неуеденов был совсем не купец, а вывороченный сюртук.

- То есть как - вывороченный сюртук?

- Ну, фискал, значит, а фамилия ему Суставов, Аркадий Павлыч. Из дворян был, из настоящих, а тут его и послали на Урал хищников обследовать. Ведь в те поры хошь оно и строгий закон был, а золотом торговали, как все равно крупой. Открыто торговали... Хорошо. Вот мы и стали жить да поживать в Екатеринбурге, а сами дела эти хищнические разведывали. Скупали золото кой у кого из богатых мужиков, а Аркадий Павлыч все в книжечку да книжечку записывают. Ей-бо-

гу!.. Столько эта книжечка после горя да слез принесла, что и думать, так не придумать! На Березовских золотых приисках много народу попало, в Уктусе, в Шарташе... В Шарташе-то нас чуть и не покончили с Аркадием Павлычем. Народ живет тут самый закошенный, раскольники с испокон веку. Ну, и проведали они про нас что али так хотели покорыстоваться скупленным золотом, только едем, этак ночью, с Аркадий Павлычем, иноходчик у него был гнеденький - ну, катим, как по маслу - а тут пых со стороны из ружья! А впереди двое на вершной стоят и ждут. Тут нам и сила наша пригодилась: как поравнялись верховые - сейчас из стороны трое и прямо в сани. Только и силен был Аркадий Павлыч! Как мы зачали их, еретиков, поворачивать - вдвоем пятерых, как гнилую картошку раскатали, только шерсть полетела. Так господь и отнес беду, а то шабаш: кунчал голова. Пожили мы тогда в Екатеринбурге, долго ли, коротко ли, а потом Аркадий Павлыч и говорит: "Ну, теперь мы с тобой в самое гнездо поедем, откуда это золото идет". И точно, этак по зиме, склались на саночки и марш на заво-

ды. Первым делом в Касли... Тут даже совсем открыто торговали золотом, без всякой обережки. Даже бабы торговали. Ну, мы и ходим по избам да покупаем, а Аркадий Павлыч придет куда в избу да перстеньком на окошке в стекле и оставит заметочку, значит в перстне-то брильянт был, так он брильянтом-то и запишет, сколько этого золота купили и когда. А книжка - само собой... Из Каслей проехали на Миас, тут уж совсем лафа подошла: в деревне Надыровой у одного башкира мы купили пуд пять фунтов золота-то. Вон оно куда пошло... Да. А потом, сударь мой, поехали мы под Петропавловск, к Троицку - везде работишка была, Аркадий Павлыч пишет да пишет перстеньком своим. Ну-с, как обделали мы всех этих подлецов, Аркадий Павлыч сейчас бумагу в Петербург, а потом и давай по книжечке всех ловить... Ведь несколько сот человек тогда влетело по золоту! А что было по заводам - страсти господни: так ревмя и ревет народ. Одних баб сколько забрали... Ну, обнаковенно, всех этих подлецов привезли в Екатеринбург, давай судить, а потом мужиков повели по зеленой улице да в каторгу, а

баб плетями. Такой страх тогда был, такой вой да рев, что и не рассказать... А в заводах, так совсем даже пусто сделалось после этого, сразу захудали. И теперь еще поют по заводам песню, которую тогда по этому случаю сложили:

Уж ты сад ли, мой сад, сад зеленый виноград.

Отчего ты, сад, повял?

- А потом я женился, ну и пришлось остаться здесь, - закончил свой рассказ Федя. - Аркадий-то Павлыч приглашал меня в Петербург, да я не поехал тогда. Тут подвернулся генерал Карнаухов... Может, слыхали?

- Да, слыхал.

- Как же не слыхать, первеющий анжинер был по всему Уралу. Лука-то Васильич, теперешний барин мой, сынком им приходится и тоже в анжинерах. Только супротив родителя куды - не та церемония. Генерал-то жил князь князем. Прежде ведь анжинеры были первое дело; не то, что по-теперешнему, с позволения сказать, всякая шваль лезет в господа. Лука-то Васильич уж очень просты, гонору в них совсем нет, ведь дворянское дите. Я ведь

их сызмальства выхаживал и, можно сказать, привесился к ихнему характеру вполне-с. Теперь вот эта ихняя слабость к водке много преферансу убавляет: как барин закурит - сейчас на прииска, да здесь и хороводятся недели две-три. А какой народ на приисках? Сами знаете. Конечно, доктора Поднебесного взять - уважительный человек, а остальные... Охо-хо-хо!.. Что и будет, сударь!.. Везде купец силу забрал, а настоящему барину житья совсем нет. Возьмите теперь Тишку Безматерных или Синицына - ведь мужичье! Порты да рубаха - и вся тут церемония, а как они настоящими господами ворочают...

Федя задумался, выпустил несколько клубов дыма и печально прибавил:

- Проклятая здесь, сударь, сторона...

- Что так?

- А то как же... Все это проклятое золото мутит всех. Ей-богу!.. Даже в другой раз ничего не разберешь. Недалеко взять: золотники... Видели? Эх, слабое время пошло. Поймают в золоте, поваландался в суде, а потом на выsidку. Да разе мужика, сударь, проймешь этим? Вот бы Аркадий Павлыча послать на

нонешние промысла, так мы подтянули бы всех этих варнаков... Да-с.

VII

Среди глубокой ночи, когда все кругом спало мертвым сном, я был разбужен страшным шумом. В первую минуту, спросонья, мне показалось, что горит наша контора и прискакала пожарная команда.

- Гости пожаловали, Фома Осипыч! - докладывал в темноте голос Феди.

- А?.. чего? Який там бис? - отозвался Бучинский, выскакивая на крыльцо в одном белье... - Го... да тут целая собачья свадьба наехала! - проговорил он сердитым голосом, возвращаясь в контору за сапогами и халатом.

- На двух тройках, сударь, - слышался в темноте голос Феди.

Я поспешил поскорее одеться и вышел на крыльцо. При слабом месячном освещении можно было рассмотреть только две повозки, около которых медленно шевелились человеческие тени. Фонарь, с которым появился Федя около экипажей, освещал слишком небольшое пространство, из которого выставлялись головы тяжело дышавших лошадей и

спины двух кучеров.

- Отцы... уморили! Ох, смерть моя!.. - доно-
сился чей-то хриплый голос из глубины од-
ной повозки. - Ослобоните, отцы... Дьякон раз-
давил совсем... Эй, черт, вставай!..

Я побежал на выручку задавленного и, при
свете фонаря Федя, увидел такую картину: из
одной повозки выставлялась лысая громад-
ная голова с свиными узкими глазками и с
остатками седых кудрей на жирном, в три
складки, затылке.

- Да где дьякон-то, Тихон Савельич? - спра-
шивал Федя, тыкая своим кулаком в глубину
повозки.

- Ах, отец... да ведь это ты, Федя? - с радост-
ным изумлением проговорила голова. - Тащи
дьякона, отец! Подлец, навалился как жернов
и дрыхнет... Тащи его, Феденька, за ноги! Ой!
Смерть моя... Отцы, тащите дьякона!

На эти отчаянные вопли около повозки со-
бралось человек десять, и длинное тело дья-
кона Органова, наконец, было извлечено из
повозки и положено прямо на траву. Это ин-
тересное млекопитающее даже не соблагово-
лило проснуться, а только еще сильнее захра-

пело.

- Ишь, кашалот какой! - ругался Тихон Савельич, пиная дьякона короткой, толстой, как обрубок, ногой.

- Да как вас угораздидо? - спрашивал кто-то в толпе.

- А черт его знает, как оно вышло... - хрипел Тихон Савельич. - Все ехали ладно, все ладно... а тут, надо полагать, я маненичко вздремнул. Только во снах и чувствую: точно на меня чугунную пушку навалили... Ха-ха!.. Ей-богу!.. Спасибо, отцы, ослобонили, а то задал бы дьякон Тихона Савельича. Поминай, как звали.

Покачиваясь на коротких ножках, старик, как шар, вкатился на крыльцо. Эта заплывшая жиром туша и был знаменитый Тишка Безматерных, славившийся по всему Уралу своими кутежами и безобразиями.

- Синицын здесь, - конфиденциально сообщил мне Федя. - Такая темная копейка - не приведи истинный Христос!..

В дверях конторы я носом к носу столкнулся с доктором; он был в суконной поддевке и в смятой пуховой шляпе. Длинное лицо с мас-

сивным носом и седыми бакенбардами делало доктора заметным издали; из-под золотых очков юрким, бегающим взглядом смотрели карие добрые глаза. Из-за испорченных гнилых зубов, как сухой горох, торопливо и беспорядочно сыпались самые шумные фразы.

- Бучинский! Где Бучинский? - неистово кричал доктор. - Голоден, ангел мой, как сорок тысяч младенцев... Ах, извините, ангел мой!.. Доктор Поднебесный, к вашим услугам... Только не дайте умереть с голоду. За одну яичницу отдам тридцать фараонов и одного Бучинского. Господи, да куда же провалился Бучинский? Умираю!

- На Руси с голоду не умирают, доктор, - слышался из конторы чей-то приятный низкий голос с теноровыми нотами.

- Это Синицын говорит! - шепнул мне Федя, втаскивая в контору кипящий самовар.

У письменного стола, заложив ногу за ногу, сидел плотный господин с подстриженной русой бородкой. Высокие сапоги и шведская кожаная куртка придавали ему вид иностранца, но широкое скуластое лицо, с густыми сросшимися бровями, было несомненно

настоящего русского склада. Плотные сжатые губы и осторожный режущий взгляд небольших серых глаз придавали этому лицу неприятное выражение: так смотрят хищные птицы, готовясь запустить когти в свою добычу. Может быть, я испытывал предубеждение против Синицына, но в нем все было как-то не так, как в других: чувствовалась какая-то скрытая фальшь, та хитрость, которая не наносит удара прямо, а бьет из-за угла.

Бучинский шустро семенил по конторе и перекачивался из угла в угол, как капля ртути; он успевал отвечать зараз двоим, а третьему рассыпался сухим дребезжащим смехом, как смеются на сцене плохие комики. Доктор сидел уже за яичницей-глазуньей, которую уписывал за обе щеки с завидным аппетитом; Безматерных сидел в ожидании пунша в углу и глупо хлопал глазами. Только когда в контору вошла Аксинья с кринкой молока, старик ожил и заговорил:

- Здравствуй, Аксиньюшка! Как живешь-можешь? Да подойди сюда ближе, ведь не укушу... Ишь ты какая гладкая стала: как ямистая репа.

Старик попытался было поймать своей опухшей рукой шуструю бабенку, но та ловко вывернулась из его объятий и убежала на крыльцо.

- Вроде как молонья, раздуй ее горой! - удивлялся Безматерных, почесывая бок, при-
давленный дьяконом.

- У Бучинского есть вкус, господа, - прибавил доктор, вытирая губы салфеткой.

- Какой вкус... что вы, господа! - отмахивался Бучинский обеими руками, делая кислую гримасу. - Не самому же мне стряпать?.. Как-
кая-нибудь простая деревенская баба... пхэ!.. Просто взял из жалости, бабе деваться некуда было.

- Врешь, врешь и врешь! - слышался голос Карнаухова, который успел проснуться и теперь глядел на всех удивленными, заспанными глазами. - Вот те и раз... Да откуда это вы, братцы, набрались сюда?.. Ловко!.. Да где это мы... позвольте... На Любезном?

- Попал пальцем в небо... Не узнал своей конторы?..

Взрыв общего смеха заставил Карнаухова прийти в себя, и он добродушно принялся хо-

хотать вместе с другими, забавно дрыгая ногами.

- Вот и отлично! Мы после чая такую цхру сочиним! - провозгласил Безматерных. - Чертям будет тошно...

- Я отказываюсь, господа, - заявил Синицын. - Вы дорогой выспались, а я ни в одном глазу.

- Павел Капитоныч, голубчик... одну партию! - умолял доктор.

- Нет, не могу. Не спал...

- Вот и врешь, - кричал Карнаухов. - Я ведь знаю тебя: ты, как заяц, с открытыми глазами спишь. Ну, да черт с тобой: дрыхни. Мы и без тебя обойдемся: я, Бучинский, доктор, Тихон Савельич - целый угол народу набрался.

Сейчас после чая началась знаменитая "цхра". Бучинский мастерски сдавал карты, постоянно хихикал и громко выкрикивал приличные случаю прибаутки. Мне с Синицыным Федя устроил постели из свежего душистого сена под навесом, где обыкновенно ставили экипажи. Восточная сторона неба уже наливалась молочно-розовым светом, когда мы, пожелав друг другу спокойной ночи,

растянулись на своих постелях; звезды тихо гасли; прииск оставался в тумане, который залил до краев весь лог и белой волной подступал к самой конторе. В просыпавшемся лесу перекликались птичьи голоса; картине недоставало только первого солнечного луча, чтобы она вспыхнула из края в край всеми красками, цветами и звуками горячего северного летнего дня.

- Завтра ведро будет, - говорил Сеницын, зевая и крестя рот. - Роса густая выпала...

VIII

На другой день, когда я проснулся, солнце стояло уже высоко; Сеницына под навесом не было. По энергическим возгласам, доносившимся до меня из отворенной двери конторы, можно было убедиться, что цхра шла полным ходом.

На зеленой лужайке, где стояли экипажи, образовалась интересная группа: на траве, в тени экипажа, лежал, растянувшись во весь свой богатырский рост, дьякон Органов; в своем новеньком азяме, в красной кумачной рубахе с расстегнутым воротом и в желтых кожаных штанах, расшитых шелками, он вы-

глядел настоящим русским богатырем. Молодое лицо, с румянцем во всю щеку, писаными бровями и кудрявой русой бородкой, дышало здоровьем, а рассыпавшиеся по голове русые кудри и большие, темно-серые соколиные глаза делали дьякона тем разудалым добрым молодцем, о котором в песнях сохнут и тоскуют красные девицы. В головах у дьякона сидел, сложив ноги калачиком, Федя, а в ногах на корточках поместился Ароматов. Последний, рядом с дьяконом, просто был жалок; в руках у него белела перевязанная ленточкой трубочка каких-то бумаг.

- Третью сотню доктор просаживает, - заговорил Федя, пуская кверху тонкие струйки дыма. - Тишка тоже продулся. Бучинский всех обыграет...

- Ну, а твой барин чего смотрит? - отозвался Органов, не поворачивая головы.

- Чего, барин... известно!.. - недовольным тоном ответил Федя. - У него одна линия: знай, коньяк хлещет, знай хлещет...

Пауза.

- Федя! - каким-то упавшим голосом заговорил Органов, тяжело поворачиваясь на один

бок. - Федя, голубчик!..

- Ну?

- Ах, право, какой ты!?. Ведь у меня все нутро выжгло. Рюмочку бы коньячку... а?.. Всего одну рюмочку, Федя... а?

- А черт ли тебе велел лакать столько? - ворчал старик.

- Да ведь нельзя, Федя... Сам знаешь Тишку: пей, хоть расколись! Я теперь второй месяц свету не вижу. Ежели бы они играли, так хоть обливайся, а теперь жди! Легко это?

Федя укоризненно покачал головой, но поднялся и заковылял в контору.

- Неужели вы не можете жить иначе? - спрашивал Ароматов.

- Да как иначе-то?

- Нужно дело какое-нибудь выбгать и габотать. Вон у вас какое здоговье... А какую вы голь иггаете у Тишки?

- Я-то?.. Ох-хо-хо... - застонал Органов. - Чревоугодие одолело... натура... Понимаешь?.. Главо моя, главо, камо тя преклоню?.. Ты думаешь, мне нравится свое-то свинство? Нет, брат, я сам эту водку презираю... да!..

- А вы сделайте усилие над собой. Ведь сто-

ит только захотеть. Слыхали об амегиканцах? Нужно жить по-амегикански.

- У тебя это какая бумага-то?

- Это... это пгоэкт, котогый я сегодня гг. золотопгомышленникам пгедставляю. Мне пгишла в голову блестящая идея.

Этот интересный разговор был прерван появлением Феди, который осторожно нес налитый до краев дорожный серебряный стаканчик.

- На, лакай!

Органов разом "хлопнул" стаканчик в свою широкую глотку, в которой только зажурчало.

За завтраком, который Аксинья подала на крыльцо, шел очень оживленный разговор о золотопромышленности; Бучинский, Карнаухов и Безматерных продолжали резаться в цхру и не принимали участия в завтраке.

- Ну-с, как ваша канава, доктор? - спрашивал Синицын, прищуривая слегка один глаз.

- Ох, ангел мой! - вздохнул тяжело доктор. - Ведь погубила меня эта канава... Вы представьте себе: она стоит мне восемь тысяч рублей, а теперь закапываю девятую.

- Вольному воля... Для чего вам она?

- Вот милый вопрос... Как для чего? А вода?

Ведь воду нужно было отвести, чтобы продолжать работы. У меня на прииске эта проклятая вода, как одиннадцатая египетская казнь.

- Кто же это вам посоветовал рыть именно канаву?

- Да ведь воду нужно отвести!

- Хорошо. Однако, какой умный человек посоветовал вам отводить воду именно канавой?

- Своей головой дошел, ангел мой.

- Гм... А не лучше ли было бы поставить три таких паровых машин, как у Бучинского? Ведь они стоили бы не дороже канавы, а в случае окончания работ вы канаву бросите, а машины продали бы.

- Э, ангел мой! Хорошо советовать после времени, когда дело сделано. Нет, вы влезьте-ка в мою кожу...

- Именно?

- Да как же, погубил меня прииск... По уши в долгах, практику растерял, опустился вообще. Ведь это чего-нибудь стоит? Хорошо вам! Вы золото гребете лопатой.

- И у нас всяко бывало.

- Так-с... Ведь у вас старательские работы?

- Да.

- У меня тоже, - глухо проговорил доктор.

Старатели - это органическое зло; это вопрос государственной важности. Они меня вконец зарежут: последние крохи золота тащат с прииска и продают на сторону. Да вот вы посторонний человек, - обратился доктор ко мне, - ну-с, как вы нашли наших старателей?

- Мне кажется, что вы ошибаетесь, доктор...

- Как, ошибаюсь? Значит, по-вашему, старателям следует воровать наше золото?

- Нет, я этого не говорю. Но думаю...

- Нет, вы представьте себе, - кричал доктор, не слушая меня и размахивая руками: - чего смотрит правительство... а?... у нас на четыре-ста приисков полагается один горный реви-зор... Ну, скажите вы мне, ради самого создателя, может он что-нибудь сделать? О горных исправниках и штейгерах говорить нечего... Нужно радикальное средство, чтобы прекратить зло в самом корне.

- Это средство в ваших руках, доктор, - заметил я. - Вы сколько теперь платите своим

старателям за золотник?

- Больше, чем другие: два рубля.

- Назначьте старателям три рубля за золотник, и воровство падет само собой.

- Это невозможно, - певуче заговорил Синицын. - Во-первых, мы платим арендные деньги за землю, во-вторых, вносим государственную пошлину, а самое главное, мы несем страшный риск при переходе от ручной промывки к машинной... Вот вам живой пример - канава доктора.

- Да вы взгляните, ангел мой, взгляните! - патетически воскликнул доктор, указывая рукой на прииск. - Что это такое? Свиньи раскопали...

- Государство несет страшный убыток от старательских работ, - вторил Синицын. - Старатели не добывают из земли и половины всего золота, потому что не могут вести работ в широких размерах. Они не разрабатывают хорошенько россыпей, наваливают торфами лучшие залежи песков и этим загораживают дорогу крупным предпринимателям.

- Да, да!.. - кричал доктор. - Притом, старатель по самой организации своего труда хищ-

ник с ног до головы: он выбирает только лучшие куски, снимает сливки и бросает, чтобы перейти к другим. Старатель может разрабатывать только россыпи с содержанием 60-70 долей золота на 100 пудов песку, тогда как в Америке выгодным считается промывать россыпи с содержанием 5 долей.

- Это верно, доктор, - согласился я. - Только вы забываете, что в Америке золотопромышленник самый мелкий получает полную цену добытого золота, а ваш старатель довольствуется третьей этой цены. Затем, климатические условия в Америке совсем другие, там неизмеримо шире развита промышленность, дешевле капиталы, наконец - предприимчивость янки вошла в пословицу...

- Э, ангел мой, и у нас будет все то же, только при конкуренции старательских работ нам немислимо поставить дело на вполне рациональных условиях.

Доктор набросал широкую картину золотого промысла "на рациональном основании", которая составлялась из двух частей: собственно приискового хозяйства - заготовка материалов и припасов, своевременная до-

ставка их на прииск - и усовершенствование техники: рельсовые пути для подвозки песков, паровые элеваторы, штанговые и центробежные машины, турфование при помощи сжатого воздуха. Чтобы окончательно убедить в чудесах золотопромышленной техники, доктор привел пример того, что артель в 6 человек, 2 мужика и 4 бабы, добывая песок горным, шахто-ортовым способом, едва успевает промывать в день 600 пудов, тогда как, при открытых работах, разрезом, та же артель свободно промоет целую кубическую сажень песков, то есть 1200 пудов.

- Если еще после этого вы... - ораторствовал доктор, но не договорил своей фразы.

К нам незаметно подошел Ароматов и, сняв свою шляпу, униженно раскланивался, прижимая к сердцу свой сверток, как это делают раскланивающиеся с публикой концертные певцы и певицы.

- Вам что угодно? - спросил доктор, не зная, как принять эти поклоны.

- Если, господа, у вас найдется свободная минута... - заговорил Ароматов, продолжая раскланиваться. - Я, конечно, маленький че-

ловек... очень маленький... Да вот почитите проэкт, господа, там все сказано. Счастливая мысль, очень счастливая мысль...

Синицын сморщил нос и через плечо едва взглянул прищуренными глазами на маленького человека. Для чего Ароматов ломался - я никак не мог понять. Доктор взял "проэкт", развернул несколько листов чисто переписанной бумаги и прочитал выведенный готическими буквами заголовок:

- "Опыт решения социального вопроса по последним данным науки и на основании указаний практики, поскольку он касается всего человечества вообще, русского народа в частности и приисков в особенности..."

Если бы над нашей головой раздался пушечный выстрел, вероятно впечатление получилось бы слабее: доктор с раскрытым ртом вопросительно посмотрел сначала на нас, потом на Ароматова.

- Послушайте! Что же вы стоите без шляпы? - заговорил он в смущении. Да идите сюда... Вот вам стул. Не хотите ли завтракать?

Ароматов, скомкав шляпу под мышкой, каким-то приниженным шагом вошел на

крыльцо и продолжал молча отвечать поклоны; стоило большого труда упросить его взять свободный стул и сесть к столу.

- Чего же вы собственно хотите именно от нас? - спрашивал доктор, не зная, как ему смотреть на нового гостя: Как на сумасшедшего или просто как на чудака.

- Я-с, собственно, ничего не хочу и не могу хотеть, ктому того, чтобы вы удостоили своим погосвещенным вниманием мой проэктец, - униженно заявлял Ароматов, усаживаясь на самый кончик стула.

Пробежав первые строки рукописи, доктор внимательно посмотрел на автора "Опыта" и опять погрузил свой длинный нос в бумаги. Однако чтение продолжалось недолго: доктор передал рукопись мне, а сам залился неудержимым смехом, как умеют хохотать только очень добрые люди. Как я ни был подготовлен к фокусам Ароматова, но его "Опыт" превзошел самые смелые ожидания: это была невообразимая окрошка из ученых выводов и сентенций, перемешанных с текстами священного писания, стихами Гейне и собственными размышлениями автора. Болезненная

фантазия Ароматова без разбору нанизывала одно на другое и в результате получалась какая-то сумасшедшая мозаика. Синицын попытствовал узнать содержание "Опыта" и, пробежав через мое плечо первую страницу, проговорил:

- Да это социалист, господа...

- Где социалист? Какой социалист? - спрашивал Карнаухов, появляясь в дверях. Заметив Ароматова, он, пошатываясь, подошел к нему и поцеловал в лысину. - Да ты как сюда попал, черт ты этакой?.. Ароматов... тебя ли я вижу?! Господа, рекомендую! Это - Шекспир... Ей-богу!.. Ароматов, не обращай на них, дураков, внимания, ибо ни один пророк не признается в своем отечестве... Блаженни чистии сердцем... Дай приложиться еще к твоей многученейшей лысине!..

На эти возгласы Карнаухова из конторы выкатился собственной персоной сам Тихон Савельич; от бессонной ночи и выпитого вина его сыромятное лицо светило каким-то жирным блеском, а глаза были совсем мутны.

- Какого это ты француза поймал? - спрашивал старик Карнаухова, показывая своим

точно обрубленным пальцем на Ароматова.

- Погодите, погодите... Соловья баснями не кормят, - суетился Карнаухов, затаскивая Ароматова в контору. - Ну, брат, прежде всего устроим разрешение вина и елея... Вкушаешь?

- Единую - могу...

- Сначала, конечно, единую!

После трех рюмок Ароматов сразу воодушевился и продекламировал несколько куплетов из Беранже; невзыскательная публика аплодировала артисту, а Безматерных фамильярно хлопнул его своей пятерней по плечу и хрипло проговорил:

- Да ты, кошки тебя залягай, из заправских актеров, что ли?

Выпитое вино, общие похвалы и внимание воодушевили Ароматова; он, потирая руки, раскланивался на все стороны, как заправский актер, и по пути скопировал Бучинского, который все время смотрел на него с кислой физиономией.

- Комедиант! - презрительно пожимая плечами, заявил Фома Осипыч. Которы порядочны человек есть, он никогда не позволит се-

бе...

- Давайте, господа, обедать! - предлагал Карнаухов.

Обед был подан на крыльце и состоял всего из двух блюд: русских щей и баранины. Зато в винах недостатка не было, и Карнаухов, в качестве хозяина прииска, одолел всех. Ароматов сидел рядом с хозяином, и на его долю перепало много лишних рюмок, так что, когда встали из-за стола, он несколько раз внимательно пощупал свою лысую голову и скорчил такую гримасу, что все засмеялись.

- Ну, что, Шекспир? - спрашивал Карнаухов. - А где у вас дьякон, господа? Вот интересно бы их свести вместе?

- Дьякон спит, ваше высокоблагородие, - докладывал Федя. - Они немного не в себе.

- Господа... устроимте маленькую сцену! - предлагал расходившийся Ароматов. - Я вам один газыггаю опегу.

При помощи двух досок и стульев устроены были две скамьи для публики, а сцена помещалась в переднем углу. Когда публика заняла места, Ароматов с театральным жестом объявил:

- Господа, внимание: увектюга!

Ароматов заиграл на губах интродукцию. Кто-то подавленно прыснул, а Безматерных захватил обеими руками свою сыромятную рожу и запыхтел, как локомотив. "Господи, прости нас многогрешных", - захрипел старик, когда Ароматов перешел к первому действию и заходил по комнате театральным шагом Сусанина. Пел он разбитым голосом, но роли выдерживал удивительно: номера из женских партий исполнял фистулой. Странно, что первое смешное впечатление исчезло, когда началась драматическая часть пьесы: этот смешной, жалкий чудак умел вдохнуть жизнь в свое паясничество и добавлял жестом и мимикой то, что не мог передать голосом. Наконец, Сусанин падает под ножом поляков; публика готова была заплодировать актеру, который теперь безмолвно лежал на полу, как настоящий убитый, но он поднимает свою плешивую голову и говорит:

- Тише, господа... сейчас будет похогонный магш.

Ароматов опять растянулся на полу и заиграл марш на погребение Людовика XIV. Это

было уже слишком, и вся публика разразилась дружным хохотом. Безматерных не мог выдержать - выбежал на сцену и хлопнул лежавшего на полу Ароматова ладонью прямо по лысине.

- Подлец! - закричал Ароматов, поднявшись с полу.

- А ты дурак... ха-ха!.. - заливался Безматерных.

Вместо ответа обезумевший чудак бросился на старика с кулаками; их едва розняли.

- Вы... все... эксплуататоры! - кричал опьяневший от злости Ароматов со слезами на глазах. - Я агтист... я никого не обижал... я... вы обигаете нагод... Пьете чужую кговь!.. Газбойники!?

- Ох-хо-хо!.. - заливался Безматерных, подставляя ногу неистовствовавшему чудаку. - Ох! горе душам нашим!

- Кговопийцы!.. Вы не золото добываете на пгиисках, а кговь человеческую...

С Ароматовым сделался истерический припадок и его едва могли уложить на постель; нашатырный спирт и холодные компрессы немного его успокоили, но время от времени

он опять начинал плакать и кричать:

- Доктог... я не обидел никого... не смеялся ни над кем... Доктог... вот тут, сейчас за стеной... сотни людей мучатся целую жизнь... Женщины... дети, доктог!.. мой пгоэкт... там все сказано!..

Ароматов с детскими рыданиями упал своей лысой головой в подушку.

- Ох, уморили отцы!.. - вздыхал на крыльце Безматерных, вытирая вспотевшую красную рожу бумажным платком. - Ужо дьякону надо отказать, а взять этого... как бишь его... Шекспира... ха-ха!..

Вечером в конторе стояло кромешное пьянство. Ароматов спал на постели Бучинского; его место занимал дьякон Органов.

- Затягивай, дьякон!.. - орал Безматерных, сидя на полу в одной рубахе.

Дьякон встал на середину комнаты, приложил одну руку к щеке, закрыл глаза и ровным бархатным тенором затянул проголосную песню:

Со вечера дождичек,
По утру раным туман,
На меня, на девицу,

Пришла скука и печаль...

Хриплым голосом подхватил песню Безматерных, раскачиваясь туловищем на обе стороны; подтянул ее своим фальшивым тенориком Синицын, даже доктор и тот что-то мычал себе под нос, хотя не мог правильно взять двух нот. Бучинский сидел в углу, верхом на табуретке, и тоже пел только свою собственную хохлацкую песню:

Ой, я нэщастный...

Сполюбив дивчину.

А вона не хоче... не хо-оче!!

А в открытые окна конторы глядела чудная летняя ночь, насквозь прохваченная легкой изморозью. Туман сгустился на самом дне прииска, вдоль течения Паньи, по обеим берегам которой были навалены недавно срубленные деревья. При колеблющемся свете месяца вся картина прииска грустно настраивала душу. Казалось, что перед глазами раскинулось поле сражения каких-то великанов, покрытое теперь трупами убитых. При неверном месячном свете все предметы принимали фантастические очертания, особенно срубленные деревья. Вот, например, лежит у

самой речки громаднейший вояка: очевидно, он горячо гнал врага, невзначай попал на роковую пулю, да так и растянулся во весь свой богатырский рост, уткнув голову в ночной туман. Немного подальше лежит целый ряд убитых; можно рассмотреть даже отдельные члены: вот бессильно согнутые и застывшие в этом положении ноги, вот судорожно скорченная рука, которою убитый все еще хватается за свою рану... Ближе виднелись две женские фигуры, которые наклонились над чьим-то распростертым трупом. А там, где около старательских балаганов сквозь туман мелькали огни, там раскинулся стан торжествующих победителей... Воображение дополняло то, чего не мог схватить глаз, и, кажется, в самом воздухе, в этом чудном горном воздухе, напоенном свежестью ночи и ароматом зелени и цветов, - в нем еще стояли подавленные стоны и тяжелые вздохи раненых.

IX

В течение двух дней гости успели настолько надоесть, что я постарался как можно раньше утром уйти на охоту. Погода стояла великолепная, как это бывает только в конце

июля на Урале; солнце весело золотило верхушки деревьев и ложилось по траве золотыми колеблющимися пятнами. Брести по высокой густой траве, еще полной ночной свежести, доставляло наслаждение, известное только охотникам; в лесу стояла ночная сырость, насыщенная запахом лесных цветов и свежей смолы. Я люблю северный лес за строгую красоту его девственных линий, за бархатную зелень красавиц-пихт, за торжественную тишину, которая всегда царит в нем. Вообще люблю этот могучий лес-великан, как олицетворение живой стихийной силы.

Особенно хорошо в самом густом ельнике, где-нибудь на дне глубокого лога. Непривычному человеку тяжело в таком лесу, где мохнатые ветви образуют над головой сплошной свод, а сквозь него только кой-где проглядывают клочья голубого неба. Между древесными стволами, обросшими седым мохом и узорчатыми лишаями, царит вечный полумрак: свесившиеся лапчатые ветви елей и пихт кажутся какими-то гигантскими руками, которые точно нарочно вытянулись, чтобы схватить вас за лицо, пощекотать шею и

оставить легкую царапину на память. Мелкий желтоватый мох скрадывает малейший звук, и вы точно идете по ковру, в котором приятно тонут ноги; громадные папоротники, которые таращатся своими перистыми листьями в разные стороны, придают картине леса сказочно-фантастический характер. Прибавьте к этому неверное слабое освещение, которое, как в каком-нибудь старом готическом здании, падает косыми полосами сверху, точно из окон громадного купола, и вы получите слабое представление о том лесу, про который народ говорит, что в нем "в небо дыра". Как-то даже немного жутко делается, когда прямо с солнцепека войдешь в густую тень вековых елей и пихт и кругом охватит мертвая тишина, которой не нарушают даже птичьи голоса. Птицы не любят такого леса и предпочитают держаться по опушкам, около лесных прогалин и в молодых зарослях. В настоящую лесную глушь забирается только белка да пестрый дятел; здесь же по ночам ухает филин и тоскливо надывается лесная сирота, кукушка. Каждый раз, когда мне приходится бывать в нетронutom настоящем ле-

су, мною овладевает то особенное душевное состояние, которое переживалось еще в детстве, когда случалось с смешанным чувством страха и благоговения проходить по пустой церкви. Лучшие лесные пейзажи, которым удивляется публика на выставках, просто кажутся жалкими по сравнению с вечно подвижной и глубоко поэтической в каждом своем уголке природой.

С Паньшинского прииска мне нужно было взять сначала на лесистую небольшую горку, перевалить через нее и спуститься на увал, который и должен был вывести к безымянной речке, а от этой речки верстах в двух проходила дорога на Майну. По маршруту рыжего кума, чтобы пройти на Мохнатенькую горку, следовало пройти по этой дороге верст пять, а там сделать поворот влево, перейти пять ложков - тут тебе будет и Мохнатенькая. Я так и сделал. До выхода на майновскую дорогу успел убить двух рябчиков, а когда отыскал, наконец, дорогу - солнце было уже высоко. Плестись по пыльной дороге в жар было плохое удовольствие, и я начинал подумывать об отдыхе. В одном месте, где дорога

спускалась по глинистому косогору, меня нагнал экипаж Синицына, в котором ехал сам хозяин вместе с доктором; за первой тройкой показалась вторая, нагруженная спавшими телами Безматерных и Карнаухова. Федя сидел на облучке и приподнял весело свою поповскую шляпу; из кузова выставлялись в желтых сбившихся до колен штанах ноги дьякона Органова.

- Видели? - спрашивал Федя, кивая головой на первый экипаж. - Поистине: связался черт с младенцем... А мы на Майну катим. До свидания, сударь!

Я проводил последний экипаж и свернул по своему маршруту влево; по дну второго ложка весело катился холодный, как лед, ключик. Я выбрал местечко в тени пушистой черемухи и с наслаждением растянулся на зеленой высокой траве, которая встала вокруг меня живой стеной. Красиво колебались в воздухе красные верхушки иван-чая, облепленные шелковистым белым пухом; тут же наливались в траве широкие шапки лесного пахучего шалфея с тысячами маленьких цветочков цвета лежалых старых кружев.

Несколько кустов малины приютились около кучки гранитных обломков, бог знает, какой силой занесенных в это уединенное место; над самым ключиком свесили свои липкие побеги молодая верба и несколько кустов черной смородины. Трудно было подобрать уголок красивее, и я с удовольствием отдыхал здесь, прислушиваясь к жужжанью ос и шмелей, которые кружились над головками шалфея. Из лесу доносились голоса каких-то птичек, назвать которых я не умею - мало ли вольной птицы в лесу - и мне каждый раз бывает как-то больно, когда непременно хотят определять, какая именно птица поет. Бог с ней, пусть себе поет на здоровье! Птицы с названиями всегда напоминают мне занумерованные склянки в аптеках...

- Тятя... а тятя?.. - прокатился по лесу свежий девичий голос.

- Здесь... - глухо отозвался издали мужской голос.

- Заплуталась... тя-я-а-тя!.. Где ты?!.

В десяти шагах от меня, из лесу вышла высокая молодая девушка с высоко подтыканным ситцевым сарафаном; кумачный платок

сбился на затылок и открывал замечательно красивую голову с шелковыми русыми волосами и карими большими глазами. От ходьбы по лесу лицо разгорелось, губы были полуоткрыты; на белой полной шее блестели стеклянные бусы. Девушка заметила меня, остановилась и с вызывающей улыбкой смотрела прямо в глаза, прикрывая передником берестяную коробку с свежей малиной.

- "Губернаторова" Настасья? - невольно проговорил я, любуясь первой приисковой красавицей.

- А ты как меня знаешь?

- Да так...

Девушка весело засмеялась, беззаботно тряхнула головой и быстро исчезла в густой траве. Я побрел за ней, чтобы узнать, что мог делать старый Сила так далеко от Паньшинского прииска. Мне пришлось сделать всего сажень полтора, как открылся покатый лог: сквозь редкие сосны я издали увидел "губернатора". Старик по грудь стоял в какой-то яме, которая имела форму могилы; очевидно, Сила ширфовал, то есть разыскивал золото. Настасья стояла около ширфа и бойко работала же-

лезной лопатой, отбрасывая в сторону снятые турфы.

- Бог на помочь, - проговорил я.

- Спасибо на добром слове, - отозвался старик. - За охотой пошел? Ну, рыбка да рябки - потеряй деньки... Под Мохнатенькой видел я тетеревят гнезда с три.

- Ширфуешь, дедушка?

- Да, ковыряю задарма землю, - неохотно отвечал "губернатор", с легким побряхтыванием принимаясь копать землю кайлом. - Тоже вот как твое дело; охота пуще неволи, а бросить жаль.

- Тятя, обедать пора! - проговорила Настасья. - Я вон малины набрала к обеду...

- Вот это люблю, - весело отозвался Сила: - а то на старики-то зубы один аржаной хлеб и не тово...

- У меня есть два рябчика, можно их зажарить, - предложил я.

- А сам-то как?

- Еще убью.

Старик недоверчиво посмотрел на меня, а потом как-то нехотя принялся собирать хворост для огня; Настасья помогала отцу с той

особенной грацией в движениях, какую придает сознание собственной красоты. Через десять минут пылал около ширфа большой огонь, и рябчики были закопаны в горячую золу без всяких предварительных приготовлений, прямо в перьях и с потрохами; это настоящее охотничье кушанье не требовало для своего приготовления особенных кулинарных знаний.

- За что тебя, дедушко, "губернатором" прозвали? - спрашивал я, когда огонь совсем разгорелся.

- "Губернатором"-то?.. - задумчиво повторил старик мой вопрос. - А это, вишь, дело совсем особое, барин. Надо с самого начала тебе обсказать... Слыхивал ты про прииск Желтухинский?

- Да, слышал; один из самых богатых...

- Ну, так вот этот самый прииск я открыл... Да. А про купца Живорезова слыхивал?

- Желтухинский прииск, кажется, Живорезову принадлежит?

Старик задумчиво почесал в затылке, поправил свою козлиную бородку и, тряхнув шляпой, продолжал:

- Живорезов миллионты нажил на этом прииске, первый богач по нашим заводам, а не было бы Силы, не было бы и Живорезова... понял? Я его, прииск-то, три месяца в горах искал; с корочкой хлеба за пазухой ширфовал по горам, образ божий совсем потерял, а как объявил прииск - Живорезов у меня и отбил его. Ну, я начал с ним, Живорезовым-то, спориться. Он мне четвертную бумажку отступного сулил, а я трехсот с него не брал. Тут Живорезов-то и обиделся. "Ежели, говорит, ты добром не хочешь брать четвертной, так я у тебя даром возьму прииск, потому я раньше твоего заявил"... Так оно и вышло: навели справку в полицейском управлении - точно, Живорезов раньше моего записан. Ну, тут я к губернатору пошел, а меня за это драть... Вот я с тех пор и стал, милый человек, "губернатор". Завладал Живорезов моим прииском, а у меня, кроме что на себе, - ничего нет.

- А теперь опять ширфуешь?

- Опять ширфую...

- А если опять отберут новый прииск?

- Может и отберут, - соглашался старик. - Только я не могу, барин... Обычай уж такой у

меня: как зима повернула на весну, так меня и потянуло в лес. Тошнехонько сидеть в избе... Да и семью всю уведу. Оно, это самое наше старательство, вроде как болезнь навяжется... И тяжело, и в убыток себе робишь, а тут уж не разбираешь: только бы до лесу. Старатель старателю розь, барин: который старатель с семьей выходит на прииск, того не применишь к одиночке. Эти нам одиночки, бабы или мужики, вот где сидят! - проговорил старик, указывая на затылок. - Самый путанный народ... От них много горя по приискам. Все говорят про нас, про старателей, что мы и пьяницы, мы и воры... А это неправильно. Конечно, живем на людях - грех-то не по лесу ходит - а все-таки грех греху розь.

- Но ведь старатели воруют хозяйское золото?

Старик внимательно посмотрел на меня и как-то нехотя ответил:

- Есть и такой грех, есть грех... Только, ежели рассудить это самое дело по правилу, старатель-то у кого, по-твоему, ворует?

- У хозяина прииска?

- Вот и не угадал: у себя, барин, ворует...

Вот, ты и поди!.. да... Возьми хоть какой прииск: Коренной, Желтухинский, Копчик, Любезный - кем дело держится? Старателями... Хозяин что? Хозяин заплатил по 15 копеек с сажени ренты, поставил контору - и все тут, вся ихняя заботушка. А старатель-то всей семьей робит-робит, колотится-колотится, а принес сдавать золото - на, получай рупь восемь гривен за золотник, все твои. А хозяин-то сдает это золото в казну по пяти рубликов, значит, с каждого золотника ему три рубля двадцать в карман...

- Но ведь на приисках не везде старательские работы, а моют золото и машинами.

- Это только для отводу глаз, для левизора делается, барин, - убежденно заговорил старик. - Ведь поденщику заплати, а что он добудет - твои счастья... А поденщина, известное дело, с рук да с ног: лопатку песку бросил, да два раза оглянулся; старатель-то в это время десять успеет бросить, потому как робит он на себя. Уж я тебе, барин, верно скажу: все эти левизоры да анженеры, хоть разорвись, а такой машины не придумают, чтобы с голоду робила... А ты не считаешь того, что мы зада-

ром этой земли перероем? Да ежели бы по-настоящему-то заплатить старателям за ихнюю работу, так золото-то бы не пять рублей за золотник стоило, а клади все десять. Нас тоже не радость на прииски-то гонит, а неволя... Мужики робят, бабы робят, ребятишки махонькие, по восьмому году, и те на тележках ездят: положи на деньги - так и не сосчитаешь! А еще нас же корят, что мы водку пьем, бабы у нас балуются. А ты возьми по правиле: ежели я шесть ден роблю, как двужильная лошадь, не допиваю, не доедаю - могу я в праздник господень, в христово воскресенье пропустить стаканчик? У меня жена бьется еще хуже меня, потому день-то деньской у грохота она молотит, а ночью с ребятишками водится да, бабьим делом, должна то починить, другое поправить... Должен я своей бабе поднести стаканчик или нет? А в ненастье по осени или весной, когда снег тает... Уж ежели где мужику тяжело, так бабе вдвое. Нет, барин, с наших кровных трудов купец раздувается, а мы выходим все-таки воры...

- Ну, а золото-то все-таки старатели тащат на сторону?

- Как не тащить, ежели плату хорошую дают: в конторе получи рупь восемь гривен, а на воле и все четыре с полтиной. Теперь взять Синицына, даст он за золотник четыре рубли - значит выгодно ему? Ведь у него с каждого золотника рупь останется в кармане... Так? В другой раз на грохоте-то за всю неделю намоют два золотника, а то и один. Ведь шесть животов глядят на этот золотник, а я должен его нести в контору за рупь восемь гривен. И мы счет деньгам-то знаем, не хуже купцов или там господ... В позапрошлом году к нам на прииски приезжал один анженер. Осмотрел нашу работу, а потом и говорит: "вы, говорит, не золото добываете, а закапываете золото"... Это он к тому, значит, что мы не робим в сплошую, а выбираем местечко получше. Я ему и говорю: "ваша высокоблагородие, дайте нам по четыре рубли за золотник - все до единова прииска с изнова перероем: только успевай принимать наше мужицкое золото". Добрый такой был анженер, только усмехнулся.

- Ну, рябчики-то, кажется, поспели, барин, - проговорил "губернатор", перегребая золу. - А

ты, Наська, подавай нам свою малину.

Мы закусили на скорую руку, и я поднялся, чтобы идти дальше.

- А что, старый Заяц поправился? - спрашивал я.

- Ох, не говори, барин! - как-то глухо проговорил старик, махнув рукой. - Помнишь Орелка-то? Беда вышла у них, да еще какая беда... За Никитой-то Зайцевым моя дочь Лукерья. Видел, поди: совсем безответная бабенка, как есть... Ну, поробил этот, грех его побери, Естя; а Зайчиха и стала примечать, што он как будто льнет к Лукерье, к моей-то дочери, значит. Старуха обстоятельная, ну, сторожить сноху, да в лесу где за всем углядишь... Хорошо. Только на той неделе Зайчиха-то и присылает за мной свою Кузьку; наказала, чтобы непременно я шел к ним. Оболокся я поскорее и побрел к Зайцеву балагану. Прихожу - ну, брат, шабаш!.. Старый Заяц как туча сидит у балагана, молодой Заяц лежит пьяный, а моя Лукерья вся в синявицах... Как увидела меня, вся инда затряслась, побелела. "Что, мол, у вас, родимые, стряслось?" Ну, Зайчиха-то все и обсказала... Видишь, присматривала она за

снохой-то, ну, все как будто ничего, а тут как-то поглядела в балагане, а у ней, у Лукерьи-то, значит, под самым заголовьем новешонькой кумашной платок лежит. "Откуда у тебя платок?" "Не знаю..." Ну, старуха сначала побила, значит, Лукерью, а потом пробовала на совесть; нет, заперлась бабенка, и кончено. А откедова быть платку, окромя Орелка? Старухе-то бы за мной послать, может, Лукерья мне-то и повинилась бы, а она возьми да и скажи мужикам... Ну, известно, пошли бабенку куделить с уха на ухо, таскать за волосы, а Никита-то еще ногами ее давай топтать: ска-зывай, где взяла платок? Избили бабенку в лоск... Ну, послушал я Зайчиху - что мне де-лать? Пожалеть али заступиться за дочь - ска-жут, потачу; подумал-подумал, за одно уж видно, мол, терпеть тебе, и давай приклады-вать...

- Дура Лукерья-то! - проговорила Настасья.

- Ты больно умна...

- А ты ее за что трепал? Ну?.. Зайцы-то все паршивые, а ты за них же... Я бы знала, что сделать.

- Ну-ко, что?

- Взяла бы да и ушла - черт с вами!.. Естя-то захотел побаловаться над бабой; и подкинул ей платок на зло, а вы давай бабу бить.

- А ведь, оно, ежели рассудить, так, пожалуй, и тово, - согласился старик, почесывая за ухом. - Ну, да дело прошлое, не воротишь...

- Как же, прошлое! - огрызалась Настасья. - Никитка-то вторую неделю пирует, а пришел домой - сейчас колотить жену. Старуха же и направляет, старая чертовка...

- Ну, ладно, разговаривай... Вас, баб, только распусти, так у вас пойдет.

- Терпеть, да не от паршивого Никитки, - ворчала Настасья, сердито сплевывая на сторону. - Разве это мужик!

- А ведь Естя увел за собой у старого Зайца Параху-то, - задумчиво проговорил "губернатор". - Уж чем этот Орелко соблазнил девку - ума не приложу.

До Мохнатенькой от "губернаторова" ширфа было всего с версту. Издали эта гора казалась не особенно высокой, но подниматься пришлось версты две, самая вершина была увенчана небольшой группой совсем голых скал. Это шихан, как говорят на Урале. С вер-

шины шихана открывалась широкая горная панорама, уходившая в сине-фиолетовую даль волнистой линией; в двух местах горы скучивались в горные узлы, от которых беспорядочно разбегались горки по всем направлениям, как заблудившееся стадо овец. Зеленые валы без конца тянулись к северу, сталкивались, загораживали дорогу друг другу, и в сероватой дымке горизонта трудно было различить, где кончались горы и начиналось небо. Лес, бесконечный лес выстилал горы, точно они были покрыты дорогим, мохнатым темно-зеленым ковром, который в ногах ложился темными складками, и блестел на вершинах светло-зелеными и желтоватыми тонами, делаясь на горизонте темно-синим. Панья пробиралась из одного лога в другой серебряной нитью; в одном месте из-за мохнатой горки выглядывал край узкого горного озера, точно полоса ртути. Это море зелени начинало волноваться, когда по нем торопливо пробегала широкая тень от плывшего в небе облачка; несколько горных орлов черными точками парили в голубой выси северного неба. Вот по этим-то горам в 1577 году

прошел с своей разбойничьей шайкой "заверуй Ермак", а в 1595 году "Ортюшка Бабинов" проложил первую прямую дорогу на Верхотурье: таким образом этот исторический порог, загораживавший славянскому племени дорогу в Азию, потерял свое значение, и первые переселенцы могли удовлетворить своему Drang nach Osten.

Но как ни хороша природа сама по себе, как ни легко дышится на этом зеленом просторе, под этим голубым бездонным небом - глаз невольно ищет признаков человеческого существования среди этой зеленой пустыни, и в сердце вспыхивает радость живого человека, когда там, далеко внизу, со дна глубокого лога взовется кверху струйка синего дыма. Все равно, кто пустил этот дым - одинокий ли старатель, заблудившийся ли охотник, скитский ли старец: вам дорога именно эта синяя струйка, потому что около огня греется ваш брат-человек, и зеленая суровая пустыня больше не пугает вас своим торжественным безмолвием.

С вершины Мохнатенькой можно было рассмотреть желтым пятном выделявшийся

Паньшинский прииск, а верстах в двадцати от него Любезный, принадлежавший доктору; ближе к Мохнатенькой виднелась Майна. Можно было даже рассмотреть приисковую контору, походившую на детскую игрушку. Глядя на прииски, мне припомнилось все, что пришлось видеть, слышать и пережить за последние две недели... Плакавший истерически Ароматов, "плача" Марфутки, подвиги Аркадия Павлыча Суставова, избитая Лукерья, "золотая каша", торжествующая клика представителей крупной золотопромышленности, преследующих государственную пользу, каторжная старательская работа сколько зла, несправедливости несет с собой человек всюду! - и под каждой вырытой крупинкой золота сколько кроется глухих страданий и напрасных слез.

Х

Бучинский несколько дней находился в прескверном расположении духа. Он ходил по конторе, плевал во все углы и разражался страшными проклятиями, когда кто-нибудь нарушал бурное течение его мыслей.

- Что с вами, Фома Осипыч? - спросил я на-

конец.

- А... не спрашивайте! Живешь как свинья, работаешь, как каторжный, а тут... тьфу!

- Уж здоровы ли вы?

- А для чего мне здоровье? Ну, скажите, для чего? На моем месте другой тысячу раз умер бы... ей-богу! Посмотрите, что за народ кругом? Настоящая каторга, а мне не разорваться же... Слышали! Едет к нам ревизор, чтобы ему семь раз пусто было! Ей-богу! А между тем, как приехал, и книги ему подай, и прииск покажи! Что же, прикажете мне разорваться?! - с азартом кричал Бучинский, размахивая чубуком.

В конторе появились штейгеря и казаки. Раньше я их как-то не замечал на прииске, а теперь они точно из земли выросли. Обязанность штейгеров заключается в том, чтобы предупреждать всеми способами хищение хозяйского золота, но известно, что у семи нянек всегда дитя без глазу и штейгеря бесполезны на приисках в такой же мере, как и всякая казенная стража. На казаках лежали специально полицейские обязанности, причем все было упрощено до последней степе-

ни: все дела разрешались при помощи нагаек. Где эта братия пропадала в мирное время - трудно сказать.

- Ну, что, как вы нашли "губернаторову" Наську? - совершенно неожиданно спросил меня однажды Бучинский. - О, я знаю, на какую вы охоту ходите и для кого стреляете рябчиков...

- Да откуда же вы можете все знать?

- Сорока на хвосте принесла... Хе-хе! Нет, вы не ошиблись в выборе: самая пышная дивчина на всем приiske. Я не уступил бы вам ее ни за какие коврижки, да вот проклятый ревизор на носу... Не до Наськи!.. А вы слышали, что ревизор уж был на Майне и нашел приписное золото? О, черт бы его взял... Где у этого Синицына только глаза были?.. Теперь и пойдут шукать по всем приискам, кто продавал Синицыну золото... Тьфу!.. А еще умным человеком считается... Вот вам и умный человек.

Сделав многозначительную мину и приподняв палец кверху, Бучинский шепотом проговорил:

- Донос был сделай на все прииски... да! И

знаете кто сделал донос?

- Кто?

- Ваш приятель, этот дурень Ароматов... Он и меня втыпал, должно полагать! Ей-богу... Вот и делай людям добро, хлопочи о них... Ведь я этого Ароматова с улицы взял! Вот вам благодарность...

Раз вечером, когда я возвращался от Ароматова в контору, на прииске я встретил старого Зайца, который сильно пошатывался и улыбался самой блаженной улыбкой. Старик узнал меня и потащил в свой балаган.

- У Зайчихи и водка найдется про нас, - заплетавшимся языком болтал Заяц, продолжая выделывать ногами самые мудреные па.

Меня удивило счастливое настроение старого Зайца, которое как-то не вязалось с происходившей неурядицей в его семье.

- Ведь Параха-то не тово... - заговорил старик, когда мы уже подходили к балагану: -воротилась. Сама пришла. Он с нее все посы-мал: и сарафан, и платок, и ботинки... К отцу теперь пришла! Зайчиха-то ее дула-дула... Эх, напрасно, барин! Зачем было девку обижать, когда ей и без того тошнехонько.

Балаган Зайца прилепился к самой опушке леса; по форме эта незамысловатая постройка походила на снятую с крестьянской избы крышу в два ската. Между двумя елями была перекинута жердь, а с нее проведены по бокам ребра; все это сверху было покрыто берестой, еловой корой, дерном и даже засыпано землей. Старый Заяц очень гордился своим балаганом, потому что в самый дождь сквозь его крышу не просачивалось ни одной капли воды; внутри балагана были сложены харчи, конская сбруя и разный домашний скарб, который "боялся воды". Около стен, из травы и старой одежды были устроены постели для баб и ребят; над самым входом в балаган висела на длинной очепе детская люлька, устроенная из обыкновенной круглой решетки, прикрытой снаружи пестрядевым поломом.

- Тут у нас главный старатель качается, - объяснил Заяц, дергая люльку за веревку. - Эй, Зайчиха, примай гостей... Слышишь?..

Из балагана показалась сама, молча посмотрела на улыбавшегося мужа, схватила его за ворот и как мешок с сеном толкнула в

балаган; старик едва успел крикнуть в момент своего полета: "А я ба-арина привел..." Зайчиха была обстоятельная старуха, какие встречаются только на заводах среди староворов или в соседстве с ними; ее умное лицо, покрытое глубокими морщинами и складками, свидетельствовало о давнишней красоте, с одной стороны, и, с другой, о том, что жизнь Зайчихи была не из легких.

- Садись, так гость будешь, - сухо пригласила меня Зайчиха, подсаживаясь к огоньку с какой-то работой.

Только теперь я рассмотрел хорошенько, сколько безмолвного горя и глухих страданий таилось под этим наружным спокойствием. Всякое горе, которое постигает членов семьи, обыкновенно собирается около домашнего очага, где оно еще раз переживается всеми, а всех больше, конечно, тем, чье сердце болит о детях с первого дня их появления на свет. Страдания и неудачи заставляют семью теснее спланиваться, точно она занимает оборонительное положение, и в центре этой семьи, ее душой в несчастьях является всегда женщина. В женской любящей натуре живет

несокрушимая энергия, которая до последнего вздоха стоит за интересы своего пепелища. Когда мужчина теряется и начинает испытывать первые приступы глухого отчаяния, женщина быстро собирается с силами и является с героической решимостью не отступить ни перед какой крайностью. Старая Зайчиха героизмовала своим искусственным равнодушием, не желая выдавать действительного настроения своих чувств.

- Где у тебя Никита-то? - спросил я, чтобы поддержать разговор.

- И не спрашивай... совсем спутался.

- А бабы где?

- Лукерья пошла мужа разыскивать, а Параха в балагане. Неможется ей...

Эта невольная ложь перед чужим человеком выдавила из подслеповатых глаз Зайчихи две слезинки, и она еще ниже наклонилась над своей работой, ковыряя иглой какое-то тряпье.

- А как у вас золото идет?

Старуха недоверчиво взглянула на меня, махнула рукой и тихо заплакала; высморкавшись в самый кончик передника, она глухо

заговорила:

- Слышал, чай... на весь прииск срам. Ох, проклянное это золото!

- Мне "губернатор" рассказывал...

- Дурак ваш "губернатор" - вот что!

- Зачем дурак?

- А так...

Наш разговор был прерван появлением какой-то старухи, которая подошла к огню нерешительным шагом и с заискивающей улыбкой на сухих синих губах; по оборванному заплатанному сарафану и старому платку на голове можно было безошибочно заключить, что обладательница их знакома была с нуждой.

- Здравствуй, Матвевна... - разбитым, выцветшим голосом обратилась она к Зайчихе.

- Садись, Митревна!.. гостя будешь.

- А я к тебе забежала... Видела, как Лукерья-то прошла к Абрамову балагану, думаю, теперь Матвевна одна... А где у тебя Заяц-то?

Зайчиха молча показала глазами на балаган; Митревна с соболезнаванием покачала головой и принялась ругать приисковых мужиков, которые только пьянствуют.

- Твои-то разве тоже? - спрашивала Зайчиха.

- Ох, не говори, мать! Не глядели бы глазыньки. Как лошадь у нас увели, так все и пошло. Надо бы другую лошадку-то, а денег-то про нее и не припасено. Какие уж деньги: только бы сыты... Ну, выработка-то далеко от грохота, изволь-ко пески на тачке таскать. Мужики-то смаялись совсем, ну, а с маяты-то, што ли, и сбились. Чего заробят, то и пропьют.

Митревна принадлежала к тому типу совсем изжившихся старушонок, которые, по народной пословице, в чужой век живут. Глядя на ее испитое лицо, бессмысленно моргавшие глаза, на сторбленную спину и неверную, расслабленную старческую походку, трудно было поручиться, что вот-вот "подкатит ей под сердце" или "схватит животом" - и готова! - даже недохнет, а только захлопает глазами, как раздавленная птица. Между тем, такими жалкими старушонками иногда держится вся семья: везде-то она все видит, все слышит, всех побранит, о всяком поплачет, и кончится часто тем, что всех перехоронит - и

старика-мужа, и детей, и внучат, да еще и побылкой будет маяться лет двадцать. Удивительно живуча человеческая натура. По заискивающему тону разговоров Митревны не трудно было угадать, что она, как это делаем и мы, грешные, совестится попросить у Зайчихи какой-нибудь пятак прямо, а считает своим долгом повести дело издалека, чтобы незаметно подойти к главной цели. Такие подходы слишком наивны, чтобы не заметить их сразу, и мне было жаль Митревны, когда она начинала плести свою жалкую околесную.

- Солдатку-то Маремьяну знаешь? - спрашивала Митревна.

- Ну, знаю.

- Наши бабы ее поучили вчор... Разве не слыхала?

- Нет.

- Здорово поучили... Вишь, она, шлюха этакая, до чужих мужиков больно охотлива и, надо полагать, умеет их приворачивать к себе. Поит их чем, что ли. Только этак-ту она Абрамова старшего сына сманила к себе, потом зятя Спиридониhi, да много еще кой-кого. Ну,

бабенки-то и сбились с ума совсем: что им, значит, с мужиками со своими делать? Днюют и ночуют у солдатки, а чуть баба слово - в зубы и в поволочку. Спиридонихина-то дочь топиться бегала с горя... Тут какой-то добрый человек и надоумил бабенку: завели они эту самую Маремьяну в лес да своим судом... Волосы даже на ней все спалили, косу обрезают, а на теле живого места не оставили. Теперь в балагане солдатка-то ни в живых, ни в мертвых лежит.

- Надо бы было раньше догадаться, - проговорила Зайчиха. - Так и надо учить этих шлюх, да еще вот этих сводней, что по приискам шатаются да девок смущают.

- Ох, и не говори, Матвевна! - с тяжелым вздохом согласилась Митревна и, понизив голос, прибавила: - Ветрела я севодни поутру Силу... Тебя больно жалеет.

- Дурак... выжил совсем из ума на старости лет.

- Все, голубушка, все по прииску-то пальцами указывают на Наську-то, а он других жалеет.

Митревна засмеялась каким-то дряблым,

высохшим смехом, причем все лицо у ней собралось в один комочек, как печеная репа.

- Я ему сколь раз говорила, Силе-то, - рассказывала Зайчиха. - А он смеется только... Вот теперь и казись!

- Да и Фомка-то хитер, пес... Сам даже и не смотрит на Наську, когда мимо грохота идет.

- А сводни-то на что?

- Вот-вот оне самые и есть... Много ли девке надо при ее глупом разуме: сегодня сводня пряниками покормит, завтра ленточку подарит да насулит с три короба - ну, девка и идет за ней, как телушка. А как себя не соблюла раз тут уж деваться ей совсем некуда! Куда теперь Наська-то денется? У отца не будет век свой жить, а сунься-ко в контору - да Акси-нья-то ее своими руками задавит. Злющая баба...

- Что говорить: злыдня!.. Она Фомку-то, говорят, за волосья таскает.

- А я к тебе, Матвевна! - совсем другим голосом заговорила старуха. Ребятишки-то вчерашнего дня не едали, а хлеба-то ни маковой росинки... Мне бы хоть полковрижки? Как только деньги мужики получают за золото,

сейчас тебе отдам.

- Да вишь у нас, у самих-то...

Зайчиха немного поломалась, а потом ушла в балаган и вынесла Митревне небольшую ковригу хлеба; старуха с жадностью схватилась за него обеими руками и торопливо поплелась восвояси.

Зайчиха долго сидела молча, не сводя глаз с курившегося огонька; наконец, проговорила:

- Слышал про "губернатора"-то? Не радуйся чужой беде, своя на гряде. Вишь, ему обидно тогда показалось за Лукерью. Я, точно, построжила, ну, мужики тоже малость потерябили, а для кого?.. Для Лукерьи же... Долго ли молоденькой бабенке на приисках спутаться. Я сноху-то караулила-караулила да родную дочь и прокараулила... Легко мне это? К кому она пойдет, дочь-то, окромя матери? Ну, и принесла с собой все! Ох-хо-хо, барин, последнее наше житье!.. Робить-то робишь, маету примаешь с утра до ночи, а тут еще мужики примутся пировать, бабы гулять...

- А на заводах разве нельзя было устроиться?

- Можно-то, пожалуй, можно, только не сподручное дело, барин... Вишь, по нонешним заработкам по заводам нельзя мужику одному робить, надо посылать на фабрику и подростков, и девок. А что они на фабрике-то увидят, особливо девки? Самое распоследнее дело: которая ни пойдет робить - та, глядишь, и загуляла, а там с готовым брюхом и пришла к отцу, к матери... Балуются девки на фабрике все до последней. Ну, перво-то мы долго крепились, все крепились, а тут и пошли недостатки. Хлеб дорожает, харчи дорожают, обуток, одежда дорожают, и платы мужикам не прибавляют... Побились-побились, дальше уж биться нечего стало: выходило так, что Паруху с Кузькой надо было на фабрику посылать. Подростком была девка-то, жаль до смерти, ну, думали-думали с Зайцем и порешили на прииска, как сват Сила. Про себя-то думали, что как-никак, а дети при себе при своем глазу будут... Как теперь и головушку покажешь к себе на завод...

- А что?

- Как что? Хорошая слава лежит, а худая по дорожке бежит. Видел Митревну-то? Вот она

у меня хлеба приходила занять, да она же первая по всему свету и разнесет про Паруху-то... Тут, чтобы по этаким славе, девке замуж выйти - ни в жисть! Всякий выбирает товар без изъяну... То же вот и Наська... Уж, кажется, всем взяла девка, а тоже добрых-то людей не скоро проведешь!..

- Отчего бабы на приисках так балуются?

- От тяжелой жизни, барин, от ней самой...

Ты погляди-ко, как бабы колотятся на приисках, ну, а тут уж долго ли до греха: другая за доброе слово голову с себя даст снять. Тут как-то в позапрошлом году была одна девчонка... Так из себя-то немудренькая, а все-таки себя крепко соблюдала. Штегерю одному эта самая девчонка и поглянись... Известно, с жиру бесят! Ну, пристаивал, пристаивал к девке: та не идет. Так что они сделали с ней: сводню штейгер подговорил, а та девчонку завела в лес подальше, ну, а штейгер-то там уж ждет ее... Только девка-то из себя могучая была, не поддавалась, тогда они ее водкой напоили. А сводне-то обидно показалось, что девка больно билась, вот она ушла вперед на прииск да оттуда парней и прислала штук десять... Они

там и издевались в лесу над девкой, а потом бросили. После замертво свезли в гошпиталь... Следователь приезжал. Ну, а которая доброй волей девка себя потеряет, той и искать не с кого... Ох, да ведь это Никита беспутный с артелью валит? - всполошилась старуха, заслоняя глаза рукой. - Он и есть, страмец!

Со стороны прииска к балагану Зайца с песнями валила пьяная ватага, между которыми издали выделялась вихлястая фигура беспутного Никитки; какой-то парень бойко наигрывал на гармонии, а молодой Заяц по траве пускался вприсядку. По всему прииску громко разносилась бесшабашная приисковая песня:

Как сибирский енерал

Станового обучал...

Ай-вот, калина!..

Ай-вот, малина!..

По щекам его лупил,

Таки речи говорил...

Ай-вот, калина!..

Зайчиха вооружилась длинной черемуховой палкой и встала в выжидающей позе; позади всех с ребенком на руках и с опущенной

головой плелась Лукерья. На ней, как говорится, лица не было. Зеленые пятна от синяков, темные круги под глазами, какой-то серый цвет лица...

- Маммынька, я загулял! - мычал Никита, останавливаясь в приличной дистанции от мамынькиной палки. - Родимая... загулял.

- Иди-ко сюда, пе-ос!.. - низкими нотами заговорила Зайчиха и, поймав Никиту за вихор, принялась обрабатывать его длинную сухую спину своей палкой. - Доколе ты будешь пировать-то... а?..

- Мамынька... вот те истинный Христос, не буду больше! - вопил Никита, валяясь на земле.

Заслышав песню, старый Заяц высунул было свою голову из балагана, но сейчас же спрятался, как началась экзекуция.

- А вы чего стали тут?.. Ступайте домой!.. - кричала Зайчиха на переглядывавшихся гостей. - Ступайте, пока я вас всех палкой не прогнала...

- Мамынька!.. Нам полштофчик всего... - умолял Никита, почесывая бока.

- Ступайте домой, в сам-то деле, - заговори-

ла Лукерья, укладывая ребенка в люльку. -
Добрые люди спать ложаться...

- Ах, ты... змея! - вскипел Никита и ногой ударил жену прямо в живот.

Лукерья как-то дико вскрикнула, но Никита уже за волосы тащил ее по земле, нанося страшные удары правой рукой прямо по лицу. Посыпалась мужицкая крупная брань и вопли беззащитной жертвы, но Зайчиха не тронулась с места, чтобы защитить сноху, потому что этим нарушилось бы священнейшее право всех мужей от одного полюса до другого.

XI

С каждым новым днем непривлекательные стороны приисковой жизни выступали все резче. Там, внизу, на прииске, рядом с каторжным трудом и грошевыми заработками, царили пьянство и разгульная жизнь. Заработки старателей в общем, пожалуй, и окупили бы скромные потребности их быта, но они носили слишком неопределенный, случайный характер, так что даже большие получки являлись, как говорила Зайчиха, только "диною копейкой", то есть шли не на пользу хо-

зайству, а на его разорение. Жизнь старательской семьи окружена непроходимым лесом всяческих нужд, так что лишний грош в этом *circulus viciosus* являлся каплей в море. Да и человек, который так безрасчетливо расходовал свои физические силы, должен же был хоть чем-нибудь вознаградить себя за постоянные лишения, за вечные голодовки и холодовки. Водка являлась только неотвратимым следствием сцепления целой системы роковых причин. Разгульная приисковая жизнь в своем основании главным образом обязана была пришлым бессемейным старателям; эта толпа оборванцев и сорвиголов разносила по приискам ту же заразу, какая процветает на всех фабриках, заводах и промыслах, где женщина является только полуобеспеченной своим личным трудом. Пьянство и разврат - дети одной матери, имя которой: нужда. Старательский способ добычи золота - самый дешевый, какой только можно себе представить, и никакие машины не в состоянии будут конкурировать с человеком, которого заставляет работать крайняя нужда. Но, с другой стороны, насколько здесь выигрывает работа, на-

столько проигрывает человек, поставленный в невозможные экономические условия. Наука и наши горные экономисты в этом случае обрушиваются на старателя, а не хотят видеть тех экономических условий, жертвой которых он является.

О прелестях казенного золотого дела мы считаем излишним говорить, потому что чужими руками хорошо только жар загребать; наша экономическая политика идет к погашению этого режима доброго старого времени, когда нагревали руки около казенного козла всесильные горные инженеры. Но переход к частной золотопромышленности, как он оформлен в уставе частной золотопромышленности, утвержденном в 1870 году, является самой неудачной попыткой разрешения вопроса о золотом деле. Этот устав является не переходной ступенью, как это иногда неизбежно при осуществлении финансовых реформ, даже не финансовым компромиссом, а плодом той департаментской мудрости, которая из своего прекрасного далека продолжает тянуть вечно одну и ту же сказку о белом бычке, т.е. о покровительстве крупной

российской промышленности. Устав 1870 г. может быть назван не уставом о частной золотопромышленности, а уставом о покровительстве крупным капиталистам. Весь процесс золотого дела обставлен тысячами таких формальностей, от которых пользы государству ни на грош, а между тем эти именно формальности загораживают дорогу всему золотому делу, потому что лишают возможности старателя являться самостоятельным промышленником, делая его вечным работником на купеческую мошну. Проследите весь ход золотого дела: для поисков золота и разведок всякое лицо обязано иметь дозволительное свидетельство (35), выдаваемое горным начальством на гербовой бумаге рублевого достоинства (37); золотопромышленник, имеющий установленное свидетельство, желая произвести поиски золотоносных россыпей, обязан письменно заявить о намерении своем полицейскому управлению, которому подведомы места, на коих он предполагает произвести поиски и разведки, с объяснением и указанием: 1) имени и звания приказчика и людей, составляющих партию; 2) билетов и

паспортов этих людей и 3) времени и места, куда отправляется поисковая партия (39). На избранной свободной местности может быть занят под разведку участок на протяжении не более пяти верст, по направлению лога или по течению реки; заявка благонадежной россыпи должна быть произведена через полицейское управление; отвод заявленных площадей производится по приказанию окружного ревизора особыми отводчиками; на золотых промыслах, разрабатываемых исключительно одними старательскими работами, рабочие допускаются к таковым работам только артелью не менее 10 человек (112); все добытое при разработке приисков шлиховое золото промышленники или заведующие приисками обязаны записывать в шнуrowые книги (126): книги сии должны быть ведены без подчисток, поправок и пробелов, добытый металл должен в них записываться каждодневно; всякая статья дневного получения золота должна быть непременно подписана управляющим прииска, приказчиками и штейгерами, а где есть конторы, то и конторщиками или кассирами, которые должны на-

ходиться при каждодневной пересчитке золота при взвешивании его и при записке одного в книгу (129), за право пользования казенными землями взимается ежегодно по 15 копеек за каждую погонную по длине прииска сажень (146); и т.д., и т.д. Просматривая эти правила, можно видеть только, что московская волокита в них нашла свое полное осуществление. Если для крупного золотопромышленника все эти мелочи не имеют никакого значения, то для старательской артели они являются просто мертвой петлей. Ну, скажите, ради бога, откуда возьмет этот старатель, которому за зиму подвело все животы, гербовую бумагу рублевого достоинства на дозволительное свидетельство производить поиски золота? Затем, заявку он должен сделать письменно, да еще в полицейское управление, когда старатель, во-первых, из ста случаев в девяноста девяти безграмотен, а во-вторых боится всякой полиции, как черт ладану. Потом, обратите внимание на требование паспортов, на отвод участков для разведок, на шнуrowые книги, прииск превращен в какую-то канцелярию, с входящими и исходя-

щами бумагами, с полицией на одном конце и с горным ревизором на другом. Чтобы пролезть через эту живую лестницу из всяких закорючек да еще безграмотному старателю с пустым брюхом - воля ваша, всему есть предел на свете. Понятное дело, что для купца эти правила трын-трава, и он ежегодно может делать сотни заявок и не поморщится, а старатель отыщет потихоньку россыпь, да и продаст ее тому же купцу за расколотый грош.

Ясное дело, что вся эта канцелярщина запирает дорогу настоящей частной золотопромышленности, в лице старателей, и создает привилегированное положение для капиталистов. Какой же вывод в результате? А вот какой: из всего добываемого в России золота 70% добывается старательским путем, а остальные 30% - механической промывкой. Переведемте это на язык цифр: в 1880 году в России добыто всего золота 2641 пуд, 70% составит 1848 пудов; в пуде 3840 золотников, и за каждый золотник старатель получит, возьмем *тахитум*, 2 рубля, а крупный золотопромышленник сдает в казну за 5 рублей, следо-

вательно, капиталист с каждого пуда золота отложит в собственный карман без всякого риска со своей стороны и без всяких капитальных затрат 11520 рублей, а со всех 1848 пудов добываемого старателями золота золотопромышленники отложили в 1880 году довольно крупную сумму - 21288960 рублей. На одном Урале в 1880 году добыто золота 576 пудов; следовательно, старателями добыто из этого золота - 403 пуда, за что им заплачено, считая по 2 рубля за золотник, около 3 миллионов рублей, а крупным золотопромышленникам с этого золота пошло дикой пошлыны 4 1/2 миллиона. Но ведь все это только приблизительные расчеты, а если бы спуститься на самое дно этого заветного уголка, где паук тклет свою золотую паутину - мы, вероятно, увидели бы, что капиталисты наживаются на заплаченные ими старателям 3 миллиона рублей не 4 1/2 миллиона рублей, то есть 150% на капитал, а гораздо больше. Еще раз заметьте, что не только весь каторжный труд золотого дела выносит старатель на своих плечах, но и весь его риск, а капиталисты отдуваются за свои 150% одними гербовыми ли-

стами рублевого достоинства, шнуровыми книгами и канцелярской обстановкой, не рискуя ни одной копейкой и не марая рук работой.

К этим вычислениям остается добавить только то, что старателям золотопромышленники платят не 2 рубля за золотник, а 1 рубль 70-80 копеек, а затем, если скупщики находят выгодным получать от старателей краденое золото даже по 4 1/2 рубля за золотник - значит, им выгодна такая операция. Затем, капиталисты спекулируют на припасах, которые продают старателям, на одежде, на водке, наконец, сплошь и рядом обвешивают их и, в конце концов, даже не рассчитывают совсем. Получается гигантская картина эксплуатации, где всемогущая кучка капиталистов высасывает последнюю каплю крови из десятков тысяч старателей.

Новый устав о золотопромышленности делает шаг вперед от порядков доброго старого времени, когда золотое дело являлось привилегией казны и было огорожено зеленой улицей из шпицрутенов, но другой рукой он создает более сильные привилегии, которые не

нуждаются даже в шпицрутенах. Это привилегия капитала, которая всей своей тяжестью ложится на действительного золотопромышленника - старателя и вносит в систему государственной экономии громаднейшие дефициты в лице того остающегося в земле золота, которое старатель не в состоянии вырабатывать за свою сиротскую плату. Настоящими хищниками золота являются не старатели, а крупные золотопромышленники!..

Сидя на крылечке паньшинской приисковой конторы и любуясь привольной картиной прииска, я часто думал о том, как немного нужно было сделать, чтобы поставить золотое дело на настоящую почву. Золотое дело, как всякий другой вольный промысел, нуждается прежде всего в полнейшей свободе от всякой канцелярщины, а тем больше - от тяжелой полицейской лапы; правительству нечего заботиться о том, как организуется промысел: форма готова, она проходит в лице артели через всю нашу историю, и нам остается только воспользоваться ею. Пусть старатель ищет золото, где хочет, и когда хочет, и как хочет. Правительству достаточно разбро-

сать по приискам несколько десятков своих контор, где старатель мог бы сделать и заявку открытых россыпей и сдать добытый металл за ту же цену, какую получают теперь капиталисты-золотопромышленники. Те фиктивные доходы, которые получает теперь государство с гербовой бумаги, с посаженной платы, удесятились бы, потому что золото полилось бы в казну широкой рекой. Воровство золота старателями пало бы само собой, а вместе с поднятием экономического уровня поднялся бы и нравственный. Но это только отрицательная сторона в деятельности правительства по отношению к золотому делу, только, *laisser faire - laisser passer*; если бы правительство действительно хотело поднять золотое дело до своего естественного максимума, то оно не стало бы создавать привилегий капитализму, а, наоборот, позаботилось бы о тех мозолистых, покрытых потом руках, которые добывают это золото из земли. При артельной организации, не рискуя ничем, можно устроить дешевый кредит, который особенно дорог старателям при начале работ, когда они являются на прииски после

зимней голодовки; в эту тяжелую пору каждый рубль дорог, а между тем взять его старателю решительно негде. Затем, механическая промывка золота несравненно выгоднее ручной, но только тогда, когда ею будут заведывать сами старатели; роль правительства доставить им машины в долгосрочный кредит.

Мы глубоко убеждены в том, что рано или поздно наша финансовая политика обратит, наконец, свое внимание на старателей, как на могучую силу в золотом деле; эта сила теперь разрознена и подавлена, но дайте ей выход - и она покажет себя. Против старателей существует громадное предубеждение, как против хищников по преимуществу, которые являются язвой на золотом деле и составляют вопрос государственной важности, но развяжите руки этой темной, пугающей капиталистов силе, и обвинение в хищничестве и других пороках падет силою вещей. Если каторжный труд и вечное существование впроголодь развращающим образом действуют на старателей, то, с другой стороны, шальные деньги, которые получают золотопромышленниками без всякого труда и риска, развра-

цают эту сытую, одуревшую от жира среду до мозга костей. Что выделяют на свои дикие капиталы эти... дети природы по всей Сибири вероятно, слышал каждый.

XII

Наступили первые дни августа. Выпало два холодных утренника, и не успевшие отцвести лесные цветочки поблекли, а трава покрылась желтыми пятнами. Солнце уж не так ярко светило с голубого неба, позже вставало и раньше ложилось; порывистый ветер набегал неизвестно откуда, качал вершинами деревьев и быстро исчезал, оставив в воздухе холодевшую струю. Радости короткого северного лета приходили к концу, впереди грозно надвигалась бесконечная осень с ее проливными дождями, ненастьем, темными ночами, грязью и холодом. Почти все свободное время я проводил в лесу, на охоте; хвойный лес с наступлением осени делался еще лучше и точно свежел с каждым днем. Возвращаясь однажды с такой охоты, я шел на Паньшинский прииск по майновской дороге; эта узкая лесная дорога, по которой с трудом можно было пробраться в хорошую погоду, теперь пред-

ставляла из себя узкое и глубокое корыто, налитое липкой глинистой грязью. Шагая по стороне дороги, я догнал тащившийся шагом экипаж Карнаухова. На козлах сидел Федя и правил разбитой тройкой разномастных лошадей; из повозки выглядывали ноги дьякона Органова, которые я узнал по желтым шальварам.

- А... садитесь, сударь! - обрадовался мне Федя, останавливая свою еле плетущуюся тройку. - Вроде как с мертвыми телами еду, - указал он головой на экипаж.

- Куда теперь Федя?

- Да надо пробиться домой, только вот барин не в себе, да и дьякон тоже...

- Что так?

- Да вот посмотрите...

Федя откинул кожаный фартук, и внутри экипажа, рядом с скорчившейся фигуркой Карнаухова, я рассмотрел русую голову Органова, перевязанную полотенцами.

- С дьяконом-то насилу отводились на Майне, - повествовал Федя, закрывая фартук.

- Как так?

- Да так, известно, от собственной глупо-

сти. Как приехали, и давай пить, и давай пить... Пили-пили-пили! А Тишка Безматерных с этого питья даже, можно сказать, совсем сбесился и придумал такую штуку: свечеру напоил дьякона до положения риз, а утром и не велел давать опохмеляться. Видишь, ему хотелось поглядеть, как будет ломать дьякона после трехмесячного пьянства... Хорошо. Проснулся дьякон и первым делом просит водки поправиться. Не дали... Уж он просил-просил, молил-молил, на коленках ползал - не дали ни капли!.. Дьякон-то стал их стращать, что утопится в шахте, ежели не дадут водки. Вот тут Синицын и придумал потеху: принес ящик из-под вина, поставил к стенке и говорит дьякону: "Ежели проломишь лбом доску сейчас бутылку коньяку велю тебе подать"... Ну, доски на ящике не то, чтобы уж очень толсты, а в полпальца все будут. Дьякон сперва было не соглашался, а потом точно одурел - как тяпнет головой в ящик, только доски затрещали... Ведь расшиб, сударь!.. Если бы своими глазами не видел, никому бы не поверил. Ну, доску-то он точно прошиб, да и голову себе, однако, проломил:

кровь из него так и хлещет, как из барана, а те хохочут-заливаются... Хохотали-хохотали, а тут наш дьякон и повалился, помутнел весь, ну, тогда и давай с ним отваживаться. Дня с три вылежал без языка, а теперь выправляется. Только бы до Панышина довести в живых, а там и сам найдет дорогу домой. Ох-хо-хо!..

- Ну, а что Бучинский? - спрашивал Федя. - Ужо будет ему баня, голубчику... Только слабые нонче времена, сударь!

Вечером, пока отдыхали и кормились лошади Карнаухова, мы долго сидели с Федей на крылечке. Вечерняя заря догорала, окрашивая гряды белых облаков розовым золотом; стрелки елей и пихт купались в золотой пыли; где-то в густой осоке звонко скрипел коростель; со стороны прииска наносило запахом гари и нестройным гулом разнородных звуков. Балаганы давно потонули в тени леса и только крайние из них пламя горевших огней на мгновение точно выхватывало из накоплавшейся мглы. Где-то встал и замер какой-то дикий крик; может быть, это последний вопль какой-нибудь жертвы человеческого насилия или предсмертная агония зай-

ца в когтях совы.

- Большие подлецы бывают на свете, сударь, - задумчиво говорил Федя, насасывая свою пенковую трубочку. - Вот хоть Бучинского взять... Ведь он в сделке с Синицыным и прудит ему золото с нашего прииска пудами. Ей-богу! Майна-то, сударь, совсем бездушный прииск, то есть золота в нем самая малость, а держится за него Синицын по той причине, чтобы отвести глаза... Так-то скупать золото неспособно, у кого своих приисков нет, а ежели прииска есть - только валяй. А ревизор приехал - покажут ему книги и вся недолга. Так-то-с!.. А Синицын почему держится за Майну? Очень просто... эта самая Майна села как раз посередь всех прочих приисков, вот Синицын и доит их: с одной стороны подошли прииска Безматерных, с другой - докторский, с третьей - наш... Только получай! Все работают на Синицына, сударь. И он же первый друг-приятель всем: и доктору, и Тишке, и нашему барину... А разве они не знают всю его механику? Знают, да ничего не поделаешь, потому не пойман - не вор... И очень просто это делается, сударь...

Федя осторожно огляделся кругом и тихо заговорил:

- Аксинью-то знаете? Она будто в куфарках у Бучинского, а на сам-то деле метрессой... Как же! Ну-с, так золото-то через нее и прудят на Майну, то есть не сама она таскает его туда, а есть у ней какой-то брат, страшный разбойник... Так вот он и есть коновод всему делу! Имя-то у него...

- Гараська?

- Он самый, сударь: Гараська... Отчаянная голова, сударь, этот Гараська! Штейгеря они тут уходили на Майне, и след простыл. Пьяный сболтнул лишнее про ихние дела, Гараська-то и спустил его в шахту: только и видали... Ревизор как-то хотел словить этого Гараську, караулил его на Майне целую неделю, ну, Гараська и влетел было, да догадлив, пес: мешочек-то с золотом прямо в повозку к ревизору и подкинул, ревизор сам и увез с собой краденое золото, а там уж его добыли после из повозки-то. Так вот этот Гараська скупает у паньшинских старателей золото, да и сдает его Синицыну, а барыши пополам с Бучинским. Сказывают, у этого Гараськи есть

какая-то девка. Ховрей называется, так эта самая Ховря в себе проносит золото и по этому случаю ее коробкой, сударь, зовут на приiske.

Федя долго рассказывал про подвиги Бучинского и старателей, жаловался на слабые времена и постоянно вспоминал про Аркадия Павлыча. Пересел на травку, на корточки, и не уходил; ему, очевидно, что-то хотелось еще высказать, и он ждал только вопроса. Сняв с головы шляпу, старик долго переворачивал ее в руках, а потом проговорил:

- Дьяконова шляпа-то у меня... По наследству мне досталась, когда он расстригался. Мы ведь с ним старые знакомые, в городу-то когда он служил, я частенько к нему захаживал... Хороший был человек, сударь, справный. А какой хозяин - все своими руками умел сделать: и за столяра, и за каменщика, и за сапожника. Хозяйственный человек, одним словом. Жена у него тоже славная была бабочка... А знаете, сударь, - другим голосом прибавил Федя: - ежели разобрать, так дьякон от меня и с кругу сбился. Вот поди ты, какая штука может произойти!.. Ей-богу! Кажется, думать, так не придумать...

- Что же ты сделал ему такое?

- Я-то... да оно делать-то ничего не сделал, а все-таки грех на моей душе, сударь. И попу каялся... да-с. Видите ли, захожу я раз к дьякону, вот этак же дело летом было, сидим мы у него вечером на крылечке и калякаем. Хорошо этак беседуем... Только двор-то крытый и совсем во дворе темно стало: хошь глаз выколи. Я сидел-сидел, да и говорю: "Дай мне тыщу рублей - не пойду теперь на сарай". - Дьякон давай меня просмеивать, что я нечистого боюсь, а никакой нечисти, говорит, нет. Старухи, говорит, придумали. Ну, поспорили: он свое, я свое. Только мне это и покажись обидно, что дьякон как будто над моей необразованностью смеется, вроде как мужицкую мою глупость хочет показать... Так-с. Я и говорю дьякону: - а вот, говорю, генерал Карнаухов, покойник, не глупее нас был, а тоже этих привидений до смерти боялся... Тоже вот если заяц дорогу перебежит, поп встретится... Ну, сажу да перебираю, что покойный барин не уважал, а дьякон, как отрежет мне: "Все это бабьи запуки!.." Меня уж тут зло и взяло... "Ах, ты, думаю, долговолосый баран..." Потом

и говорю: "Ну, ежели ты боек, дьякон, сходи сейчас на сарай да принеси мне сена". - "Черта, говорит за рога приведу"... Да как сидел, в одной рубашке и кальцонах, - марш на сарай. Ну, сижу на крылечке да слушаю, как дьякон по двору босыми ногами шлепает. Вот заскрипели половицы, значит на сарае бродит, потом, слышу, спускается по лесенке и сеном шуршит... Я даже молитву хотел сотворить, что господь пронес благополучно нашу глупость, а дьякон как ухнет, как заревет... Ну, ей-богу, медведю или чумному быку в пору! Меня так и затрясло, а дьякон тошнее того ревет, да со страхов-то как кинется, да на столб и оземь...

Федя помолчал, раскурил трубочку и продолжал:

- Вот оно куда глупое-то слово человека приводит, сударь! Я только хотел спичкой чиркнуть да свету добыть, а в избе дьяконица тоже как ухнет и тоже оземь, вроде как квашонка. Баба последнее время ходила, а тут как услышала, что дьякон, словно под ножом, - ревет со страху и покатила по избе. Ах! ты господи милостивый! Уж не помню,

как я за ворота выскочил и только на улице маненько опамятовался... Ну, дьякон тоже на улицу за мной. "На черта, говорит, ногой наступил"... А на самом лица нет. Что делать?.. Перекрестился я, зажег спички, и пошли мы досматривать, где этот черт лежит. И что бы вы, сударь, думали? Подходим к сараю, а около сарая лежит теленок пестренький; коро-ва-то, значит, только-только успела отелиться, он еще не успел и обсохнуть, сердечный, как дьякон наступил на него ногой и слышит, что под ногой и теплое, и мокрое, и живое, и мохнатое... Ну, натурально, черт!.. Ну-с, тут нам даже смешно стало, опять по глупости по нашей. Он черт и оказался...

- Теленок-то?

- Теленок само собой, а черт само собой, сударь. Вот вам это даже смешно кажется, ан дело-то не смешно вышло... Вы послушайте, что дальше-то было. С того самого случая и начини дьяконица хворать... Выкинула она первым делом дите, а потом как под сердце подкатит - дьяконица глаза под лоб, пена у рта, а сама по полу катается. Ей-богу... Ну, обнакновенно, потащили дьяконицу по докторам: один то, дру-

гой другое... И грешно, и смешно про этих докторов, сказывать, сударь. Один ее все голодом морил, недели с три морил, пока у дьяконицы язык не отнялся; другой холодной водой ее обливал, третий льдом ее обложил - нет нашей дьяконице лучше и шабаш: урчит в утробе и конец делу, а потом под сердце. Бились-бились с дьяконицей, а потом дьякон уж догадался, что тут не доктора надо... Он, черт-то, в утробу к дьяконице забрался. Нет, вы, сударь, не смейтесь, а слушайте, что дальше-то было. Как догадались об этом, по-вашему... а?..

- Право не знаю...

- Вот то-то и есть... А дело проще пареной репы. Старушоночка одна, побирушка, научила. Как дьяконице подкатило, старушоночка и говорит: "А прочитай исусову молитву"... Ну, обнаковенно, дьяконица только перстом показывает, что "он" ей не дает исусову молитву читать.

- У дьяконицы просто была падучая...

- Ну, пусть будет по-вашему падучая, а мы знаем эту падучую, сударь... Вы послушайте дальше-то. Дьякон тоже все по-вашему же говорил и всех старушенок-лекарок в три шеи

гнал... А тут и случись дьякону куда-то на покос уехать, сено ставили. Тут дьяконицу и научили к одному старичку обратиться, чтобы попользовал... А старичок этот многим уж помог. Ну, дьяконица к нему, а старичок говорит: "хорошо; только, чтобы делать все, как я скажу". Обыкновенно, дьяконица рада-раде-хонька, только вылечи. Вот прихватил старичок двух старушек и пришел к дьяконице... Вбил в стену два гвоздя, поставил дьяконицу к стене и прикрутил ей руки к гвоздям веревкой. Хорошо. Потом как разбежится да головой прямо в брюхо дьяконице... А могутный из себя старичок был - ну, дьяконица и запела на все голоса. А старичок-то сотворит молитву, разбежится да опять головой, по-бараньему, в брюхо дьяконице. Ну, таким манером орудовал он часа полтора, пока дьяконица билась на гвоздях да ревела, а потом, как стихла, он ее и велел на кровать положить. Совсем было вылечил: сначала-то будто охала, а потом и затихла... А дьякон-то и воротись на притчу: старика в шею, старушонок за шиворот всех располировал, и все дело сразу испортил. На третий день дьяконица кончи-

лась, а дьякон расстригся, да пить, да пить, да вот до какой оказии и допил. Вот оно, сударь, глупое-то слово куда нас приводит.

Ночью Карнаухов и Федя уехали с прииска; Карнаухов все время не поднимал головы и только раз попросил напиться воды. Дьякон Органов остался на прииске, и Бучинский столкнул его с своих рук в землянку Ароматова; последний был очень рад такой находке и с торжеством увел своего постояльца.

- Ох, в живых бы довести барина до дому! - говорил Федя, усаживаясь на козлы. - А то будет мне на орехи от барыни... До свидания, сударь!.. Извините на нашей простоте...

XIII

Как-то ночью я был разбужен осторожным шепотом и шагами каких-то мужиков. Подняв голову, я узнал в мужиках приисковых штейгерей и переодетых казаков. Очевидно, произошло на прииске что-то очень важное, и Бучинский на мой вопрос только приложил умоляюще палец к губам. Он был в высоких сапогах и торопливо прятал в карман штанов револьвер.

- Мне можно с вами? - спросил я.

- О, никак невозможно, никак невозможно! Дело государственной важности!.. Мы скоро вернемся...

Скоро вся шайка, под предводительством Бучинского, исчезла во мгле осенней ночи. Таинственность этой экспедиции заинтересовала меня, и я с тревогой стал дожидаться ее исхода. Прииск спал мертвым сном; ночь была темная, нигде не мелькало ни одного огня. Время тянулось с убийственной медленностью, и часовая стрелка точно остановилась. Прошло десять минут, четверть часа, двадцать минут - мне сделалось просто душно в конторе, и я вышел на крыльцо. Осенняя беспросветная мгла висела над землей, и что-то тяжелое чувствовалось в сыром воздухе, по которому проносились какие-то серые тени: может быть, это были низкие осенние облака, может быть создания собственного расстроенного воображения. Я напрасно прислушивался к охватившей весь прииск тишине - ни один звук не нарушал ее, точно все вымерло кругом.

В это время из кухонной двери вырвалась яркая полоса света и легла на траву длинным

неясным лучом; на пороге показалась Акси-
нья. Она чутко прислушалась и вернулась,
дверь осталась полуотворенной, и в свобод-
ном пространстве освещенной внутри кухни
мелькнул знакомый для меня силуэт. Это бы-
ла Наська... Она сидела у стола, положив голо-
ву на руки; тяжелое раздумье легло на краси-
вое девичье лицо черной тенью и сделало его
еще лучше.

- Застанут, думаешь, Никиту-то? - тихо
спрашивала Аксинья.

- Застанут... - так же тихо ответила Наська,
не поднимая своей головы. - В ночь севодни
собирался на Майну с золотом...

- Лукерья-то не знает? - после короткой па-
узы спросила Аксинья.

- Нет... Избил он ее третьего дни - страсть!..
Глаз не видно, без языка лежала всю ночь...

- А ты через кого узнала про Никитку-то?

- Да мальчишко у них есть, Кузька... он и
сболтнул, что Никита собирается в ночь ку-
да-то, а куда ему по ночам ездить, окромя
Майны?

Молчание.

- Это тебе старый пес подарил платок-то? -

спрашивала Аксинья.

- Нет...

- Не ври. Гараська сказывал... А ты денег с него проси; после, пожалуй, не даст. Кум сказывал, что с Коренного сюда пришла робить одна кержанка... Пожалуй, как бы не отбила у тебя старика!..

- Ну его совсем: не дорого дано...

- А тебе Никиты-то не жаль?

- Значит, не жаль, ежели сама его подвела... Лукерья-то безответная, так я за нее упеку его!.. Путанный мужичонко - туда ему и дорога...

Прошло часа полтора времени, и мне надоело дожидаться на крыльце. Я успел заснуть, когда за конторой послышались громкие крики и чей-то плач. Скоро в контору вошел сам Бучинский и торжественно перекрестился; за дверями кто-то кричал и ругался.

- Говорите: слава богу... - заговорил Бучинский.

- А что?..

- То есть государственная польза... да!..
Пойдемте-ка, каких птиц я вам покажу...

Мы вышли. На лужайке, перед крыльцом,

столпилось человек десять; Аксинья держала в руках железный фонарь, и в его колебавшемся слабом свете люди двигались как тени.

- А... бисови ворюги!.. - ревел Бучинский, пробираясь к трем мужикам, которые были окружены штейгерями и казаками.

Прежде всего мне бросилась в глаза длинная фигура Никиты Зайца, растянутая по траве; руки были скручены назад, на лице виднелись следы свежей крови. Около него сидели два мужика: один с черной окладистой бородой, другой - лысый; они тоже были связаны по рукам и все порывались освободиться. Около Никиты, припав головой к плечу сына, тихо рыдала Зайчиха.

- Попались, голуби!.. - злорадствовал Бучинский. - С поличным влетели; теперь, брат, шалишь!

- Врешь, старый пес, - хриплым голосом кричал лысый мужик, дергая связанными руками. - Твои же штегеря нам подкинули золото... Ты вор, а не мы!..

- И как ловко попались! - восхищался Бучинский. - Вот этот... - ткнул он на Никиту. - Приходим к балагану: спят. Оцепили. Ну, а он

уж проснулся и с мешочком ползет из балагана... Накрыли его, а в мешочке золото!.. Ха-ха!.. От-то есть дурень!..

- Ваше высокоблагородие! - голосила Зайчиха, каким-то комом бросаясь Бучинскому в ноги: - не пусти по миру... ребятишки... Ваше...

- От-то глупая старуха! То есть государственная польза... Я маленький человек, а вот приедет ревизор - он все дело разберет. Вы будете золото воровать, а я под суд за вас попадать?.. Спасибо!

- Батюшка, да ведь всего и золота-то два золотника будет не будет... Ослобони, кормилец!..

- Я же тебе говорю, милая, что не могу... Государственная польза, ревизор приедет, разе ты можешь это понимать?